

HARLEQUIN®

ХЕНК
ФИЛППИ

Райан

ПРАЙМ-ТАЙМ

NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR

Romance – Harlequin

Хенк Райан
Прайм-тайм

«Центрполиграф»

2007

Райан Х. Ф.

Прайм-тайм / Х. Ф. Райан — «Центрполиграф»,
2007 — (Romance – Harlequin)

Чарли Макнелли – популярная тележурналистка, звезда прайм-тайма. Она давно вознеслась на профессиональный олимп, но удержаться здесь непросто, нужно вновь и вновь подтверждать мастерство, иначе вместо престижного канала мгновенно окажешься на провинциальном телевидении. Чарли мучительно старается найти тему для острого репортажа. А тот, кто ищет, как известно, находит... проблему на свою голову. Сама жизнь Чарли оказывается под угрозой, когда она узнает, что невинное послание в электронной почте – первый шаг к убийствам, потрясениям и многомиллионному мошенничеству. Журналистское расследование приводит ее к Джошу Гелстону, очень для нее полезному и слишком обаятельному. Чарли имеет безошибочный нюх на горячие новости, но люди – совершенно другой вопрос. Теперь ей предстоит решить, можно ли доверять Джошу...

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Хенк Ф. Райан

Прайм-тайм

От автора

Дорогая читательница!

Попробуй только представить себе, что ты не имеешь права на ошибку. Что тебе ни в коем случае нельзя произнести ни единого неподобающего слова. Нельзя опоздать. Нельзя иметь неверное мнение. Представь, что тебе нельзя выйти из дому без укладки. А если ты не успеешь сделать прическу, то твои растрепанные волосы увидят миллионы людей. А ведь именно таков образ жизни репортера – тот самый, что я веду в течение вот уже тридцати лет. И тем не менее эта полная напряжения, стрессов и высоких ставок профессия часто вознаграждается сполна – и меняет до неузнаваемости.

Заметь, что я даже не упомянула о личной жизни репортера. Это потому, что у репортеров ее, как правило, не бывает. Когда тебя могут вызвать на работу в любой из двадцати четырех часов суток все семь дней в неделю, не так-то просто встретить мужчину своей мечты. Хочешь узнать секрет того, как добиться успеха на телевидении?

Быть замужем за своей работой. Вот только в нашем мире, где красота зачастую ценится гораздо выше внутренних качеств, основополагающих для журналиста, даже лучшим репортерам нередко приходится прозябать в монтажном цехе. Так что делай вывод о том, скольким старым девам удалось хотя бы заменить семью и детей парочкой «Эмми». Кто-то из нас решается и делает выбор. А кто-то не может определиться до тех пор, пока время не уйдет.

И все-таки ничто не может сравниться с тем ажиотажем, который сопутствует работе на новостном телеканале. Каждый день узнаешь что-то новое. Пробираешься за кулисы этого мира и наблюдаешь за тем, как он устроен изнутри. Встречаешься с удивительными людьми. Имеешь право проникать куда угодно, задавать любые интересующие тебя вопросы, решать проблемы, помогать людям, менять законы, изменять целый мир. А иногда тебе еще и дают деньги на покупку одежды. Так что я просто в восторге.

Взлеты и падения. Самостоятельность и работа в команде. Жизнь Чарли Макнэлли только выдумка, но – между нами говоря – выдумка эта не так уж далека от реальности.

Буду рада видеть тебя на своем веб-сайте www.hankphillippyryan.com. Поговорим о секретах, о телевидении, о жизни – и о секретной жизни телевидения.

Хэнк

Глава 1

С этими постоянными приливами крови, с похмельем после вчерашнего и кучей спама в электронном ящике у меня уж точно нет никаких шансов управиться до восьми утра. Я специально пришла пораньше, чтобы продвинуться вперед, и вот уже безнадежно отстаю.

Делаю тонизирующий глоток мутного, но вполне действенного кофе из автомата и принимаюсь одним пальцем тыкать на «Удалить». Долой свежие предложения дешевого туристического отдыха, низкие учетные ставки и канадские медикаменты. Адьюс международным водительским лицензиям и советам, как быстро заработать деньги не выходя из дому.

По крайней мере, я здесь не одна. Внизу, в отделе новостей, редакторы, работающие в ночную смену, штудируют сайты информационных агентств в поиске сюжетов, подходящих для двенадцатичасового выпуска новостей. Нашей новой дикторше, холеной Эллен Кэвена, не обязательно находиться в кресле ведущего последних известий до 8:24, так что «новое лицо „Третьего канала“», как ее позиционируют в рекламе, сейчас, вероятно, красуется перед зеркалом в гримерке, подкрашивая губы сияющим блеском.

По сути дела, Эллен – супермодель с навыками чтения, и мое искреннее почтение тому, кто смог вытащить эту журнальную красотку в столь ранний эфир. А я, как следственный репортер, провожу большую часть времени в поиске источников информации и прочесывании документов. Поэтому от меня не требуется всегда иметь телегеничный вид.

И слава богу. Мне сорок шесть, и этими приливами крови я, вполне возможно, обязана не столько гормональным всплескам, сколько невменяемой системе отопления на телестанции. Но, по правде говоря, чтобы быть готовым предстать перед камерой, современному ведущему требуется гораздо больше времени, чем, скажем, лет двадцать назад. И уж точно больше грима. Как бы то ни было, пока меня не стали величать «старым лицом „Третьего канала“», меня все это не касается.

Сегодня моя очередь готовить информационный выпуск. Забрав волосы, как правило безупречно уложенные, в пучок с помощью карандаша, я выполняю задание из серии «убейся, но сделай» – придумываю материал-бомбу, который должен помочь ноябрьским рейтингам «Третьего канала» резко подскочить, а мне задержаться на этой работе.

В таинство рейтингов меня посвятили в мой самый первый день на телеканале. Атмосферу восьмидесятых полностью отражали блузка с высоким воротником и приколотая к ней брошь с камеей – такой я пришла сюда. Широкие брови. Широкие плечи. Широкие возможности.

– Запомни правило, которому тебя не учили на факультете журналистики, – изрек мой новоиспеченный начальник, приглашая в свой кабинет. – На новостном канале никому нет дела до журналистики – здесь главное деньги. – Кликнув мышкой, он открыл окно электронной таблицы, и экран испещрили крошечные циферки. – Это суточные рейтинги, – провозгласил начальник.

Помнится, я тогда подумала: *кто же сидит тут сутки напролет?* К счастью, босс продолжил прежде, чем я успела задать этот поистине наивный вопрос новичка.

– Рейтинговые таблицы формируются в электронном виде каждое утро, – продолжил он. – Они отображают число телезрителей, посмотревших новостные выпуски прошлого дня. Здесь у нас жесткая конкуренция. Тот телеканал, который привлечет наибольшую аудиторию, заломит самые высокие тарифы на рекламу.

Прищуриив глаза, начальник удовлетворенно кивнул и, указывая на меня пальцем, проговорил:

– Победишь в этой игре – особенно в самых важных ноябрьских рейтингах, – и ты при деньгах. Проиграешь – скатертью дорожка.

По прошествии времени моему начальнику пришлось самому испытать на себе безрадостные последствия проигранной рейтинговой войны, а вот я до сих пор команду на передовой линии. И поэтому каждую осень в течение вот уже двадцати лет обязана выкапывать откуда-то сенсационную новость или какую-нибудь важную шишку, благодаря которым подскочит рейтинг телеканала. Справляюсь с задачей – и можно свободно дышать еще целый год. Облажаюсь – и ушлют меня из Бостона освещать события в какую-нибудь Богом забытую глушь. Пока что мне не приходилось звонить своему агенту или в компанию по перевозке вещей.

Но сейчас, когда приход нового начальника неудачно совпал с датой истечения моего рабочего контракта, неплохо бы подыскать такую сенсацию, каких еще свет не слыхивал.

Иначе режиссер Кевин О'Бэннон соблазнится и наймет какую-нибудь Синди из Цинциннати¹ вдвое младше меня на зарплату вдвое ниже моей. И каждому сотруднику «Третьего канала» на почтовый ящик придет одно из недвусмысленных сообщений типа: «Шарлотта Макнэлли приняла решение покинуть Бостон в поиске новых карьерных возможностей».

У нас говорят, что ты стоишь ровно столько, сколько твой последний сюжет. Отлично. Моим последним сюжетом был трехсерийный выпуск, посвященный расследованию финансовых махинаций в парламенте штата, после которого особо скользким чиновникам-коррупционерам пришлось подрядиться поклеить ярыжками заводских ярлыков. Ноябрьские рейтинги? Да раз плюнуть.

– Чарли!.. Эй, Чарли! Ты здесь?

Я отрываюсь от удаления спама. Кто-то ломится в тяжелые стеклянные двери, ведущие в отдел расследований «Третьего канала». И этому кому-то нужна я.

Шестеренки у меня в голове начинают резво крутиться. Может быть, появились какие-то экстренные новости. Может быть, кроме меня на станции нет никого из эфирников. Засветиться перед камерой всегда полезно. Но кто бы это ни был, скорее всего, он поручит мне интервью с победителем последней лотереи или что-нибудь в этом духе. Собака упала в шахту лифта. Дерево рухнуло на дом. Рейтинг такие истории, конечно, повышают, но, по мне, с журналистикой не имеют ничего общего.

Я всерьез рассматриваю вариант спрятаться под столом, но, пораскинув мозгами, убеждаюсь в том, что не удастся: коллекция сменной обуви занимает все место на полу. К тому же мой журналистский нюх подает настойчивые сигналы. Помню, однажды мама застучала меня, девятилетнего ребенка, за чтением последней главы только что купленной мне «Нэнси Дрю». Заметив ее изумление, я разъяснила: «Надо же узнать, что случилось». Прошли годы, но мое неисправимое любопытство никуда не делось. И сейчас, возможно, как раз то, «что случилось», и подойдет для новости.

– Ага, здесь, – отзываюсь я.

Если это окажется очередная эпопея со спасением свалившейся в шахту собаки, сразу скажу «нет». Пусть увольняют. Стучу по деревянному столу, чтоб не сглазить. Я вовсе не то имела в виду.

Ко мне в кабинет заходит Тэдди Шихан, в рубашке, выбившейся из штанов цвета хаки, уже облитых утренним кофе, и с таким взглядом, что я тут же понимаю: ситуация у продюсеров критическая. Он дубасит по ноге пластиковой бутылкой из-под воды, производя глухой звук, аккомпанирующий его волнению.

– Не могу найти Эллен, – говорит он, оглядывая мой крохотный кабинет так, словно она может прятаться здесь. – Выпуск уже на подходе, и она должна быть в кресле ведущего, но ее нигде нет. Бред какой-то. Если ее не найду...

¹ Возможно, отсылка к телесериалу «Джон из Цинциннати» (2007), главный герой которого, виндсерфер, приезжает в новый город и смешает с пьедестала семью, блиставшую в этом виде спорта. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Я знаю, к чему все идет. Вспышка чисто репортерского адреналина заглушает симптомы похмелья после неблагоразумно выпитых трех бокалов белого вина.

– Без проблем, – заверяю его. – Пошли.

В ту самую секунду, когда закончится сетевой рекламный ролик, кто-то должен будет начать зачитывать текст с телесуфлера. Сегодня утром этим кем-то, похоже, предстоит стать мне.

Мы сбегает вниз по лестнице в новостной цех. Четыре минуты до эфира.

Тэдди внезапно останавливается, затем оборачивается и, окинув меня взглядом, тыкает пальцем на мою самодельную прическу.

– Стариканы не купятся на тетку с карандашом в голове, – говорит он. Тревога возвращается на его лицо. – Конечно, время раннее, но они не настолько сонные. Можешь что-нибудь сделать с...

Рисую в воображении свой видок и в ужасе таращу глаза. Он прав. Помимо того, что моя прическа могла бы послужить отличным примером «как не надо» в разделе моды «Гламуре», так еще и губы не накрашены. Это вроде как должен быть утренний выпуск новостей, а не ночь живых мертвецов. А до эфира тем временем остается три минуты.

Десять лет назад Тэдди бы только сказал: «Не беспокойся, Чарли, ты самый обаятельный следственный репортер в городе. Просто располагайся поудобней в кресле ведущего и позволь камере влюбиться в эту милую блондиночку».

Сегодня же он только бросает:

– Ладно, проехали.

Качаясь на кресле, Тэдди выводит на печать новую производственную информацию для аппаратной, не переставая снабжать меня инструкциями:

– Мы пустим анимационную заставку, а потом сразу перейдем к видеозаписи. От тебя требуется просто закадровый комментарий к картинке, после которого ты передашь слово погодникам – сегодня утром будет Бекка. Просто читаешь. На камеру тебя снимать никто не будет. – Он поднимает взгляд на электронные часы с неумолимо бегущими циферками, прикрепленные к стене над креслом ведущего, и бледнеет. – Меньше минуты до эфира. Давай!

Я бросаюсь к столу и втыкаю в петличку провод наушника, чтобы слышать режиссера, сидящего в аппаратной. Прицепляю микрофон к свитеру, повязанному на плечах, и молюсь, чтобы картинка пошла как запланировано и миллионы людей не постигло тяжелое пробуждение от устрашающей физиономии Чарли Макнэлли без туши и помады.

Сажусь в кресло, вся как на иголках. Кое-чего недостает. Кое-чего важного.

– Где текст? – кричу я.

Оператор кивает в мою сторону.

– Ты в эфире через... тридцать секунд, – как ни в чем не бывало произносит он.

– Текста нет! – выкрикивает кто-то из-под лестницы.

Это не к добру. Под лестницей у нас...

– Эй, Чарли, тут принтер сломался, – снова слышится чей-то крик. – Просто читай с суфлера.

Надо было тогда все-таки спрятаться под стол. Надеюсь, с суфлером все в порядке, иначе я кого-нибудь прибую.

– Пятнадцать секунд!

Сердце уходит в пятки. Таково наказание за ранний приход. Я всего лишь хотела настроиться на работу над сюжетом. А вместо этого сейчас мне предстоит унижение перед миллионнами...

– Пять, четыре...

Вспыхивает экран телесуфлера. Студийный режиссер дает быструю отмашку. Шоутайм.

– Доброе утро, с вами Чарли Макнэлли.

Текст в бегущей строке суфлера, который вижу первый раз, я на автомате проговариваю без запинки. Спустя двадцать с небольшим лет, проведенных в этом бизнесе, мой мозг с легкостью опережает язык на одну-две строчки.

– Главная новость к этому часу: полиция расследует обстоятельства и причины пожара, разгоревшегося в Оллстоне накануне вечером. По словам очевидцев, помещение использовалось в качестве общежития для студентов колледжа Моррисон.

Хм. Отсюда можно извлечь сюжет, проносится в моей журналистской голове. Проверить, законно ли это – укрывать студентов в непонятном помещении и называть его общежитием. Проверить, есть ли возможность установить скрытую камеру внутри его.

Продолжаю читать:

– Этим утром затруднено движение транспорта на Экспрессуэй. Владельцы автомобилей застряли в получасовой пробке в результате аварии, происшедшей на дороге. Грузовик, перевозивший двадцатифунтовые контейнеры со льдом, забуксовал и перевернулся через...

Вдруг и отсюда можно что-нибудь извлечь? Проверить, не был ли водитель пьян. Проходил ли грузовик техосмотр.

Продолжаю читать:

– И в заключение выпуска полиция просит содействия в поиске пропавшего ранее на этой неделе мужчины из Лексингтона. Супруга сорокаоднолетнего Брэдли Формана предоставила следователям его фотографию, которую вы можете видеть на экране...

Бросаю взгляд на монитор, чтобы удостовериться – снимок на месте. Молодцы ребята из аппаратной.

– Особые приметы: рост около шести футов, волосы каштановые, глаза карие, телосложение среднее.

Очень полезная информация. Все среднее. Видимо, вялый выдастся денек, раз начинаем с таких сюжетов.

Продолжаю читать:

– Супруга Формана утверждает, что в последний раз видела мужа перед тем, как он уехал на работу в четверг утром, однако, по словам коллег из фармацевтической компании «Азтра-тек», в боксфордском офисном комплексе мужчина так и не появился.

В то мгновение, когда я произношу «Азтратек», в моей голове срабатывает предупреждающий сигнал. Мозг посылает мне безошибочно узнаваемый призыв обратить внимание на эту деталь, но прислушиваться нет времени.

Продолжаю читать:

– В случае если вы увидите этого человека, полиция убедительно просит вас сообщить по телефону в участок города Лексингтон.

Проверив монитор на предмет погодной карты – на месте, придаю голосу бойкости:

– А теперь о погоде. Метеоролог «Третьего канала» Ребекка Холкомб расскажет вам все самое важное к этому часу. Бекка?

Наблюдаю за тем, как камера переключается на Бекку. Дело сделано.

– Спасибо, Чарли, – жужжит голос режиссера у меня в ухе. – Ты свободна.

Вынимаю наушник и отцепляю микрофон. Прямо позади меня рисуется Тэдди. От панического ужаса, который отражался у него на лице еще пять минут назад, не осталось и следа.

– Это было бесподобно, Чарли, – говорит он. – Ты лучшая.

– Ой, да ла-адно, – небрежно взмахиваю рукой. – Делов-то.

Нашариваю под дикторским столом туфли, которые скинула с себя во время новостного выпуска, а Тэдди тем временем отправляется к рабочему месту. Благодаря мне он не получит взбучку от начальства за провал местного выпуска. И завтра ему не придется искать новую работу. Тут я внезапно задумываюсь: а будет ли это самое завтра для меня?

Остаюсь сидеть в кресле ведущего, упершись подбородком в ладони и бессмысленно глядя в погасший матово-черный объектив телекамеры. Да уж, хорошего мало. Я-то ожидала минуты славы, благодаря которой моя карьера пойдет в гору, а меня даже не взяли в кадр. Им пришлось сразу пустить видео, чтобы меня точно никто из зрителей не увидел. Тэдди без всяких угрызений совести избавился от моего лица. Просто взял и стер меня. Это только Бренде Старр² и поныне удастся оставаться такой же фотогеничной, как и тридцать лет назад, но у нас-то не комикс. Ближайшее будущее начинает пугать меня гораздо больше, чем чтение новостей экспромтом и без косметики.

Вот я замужем за работой, а что, если камера меня больше не любит? Неужели карьерный развод сделает из меня обычную старую деву средних лет?

К столу подходит парень в широкой футболке, ассистент режиссера, и, сворачивая провод от наушника, удивленно смотрит на меня.

– Мы ведь закончили? – спрашивает он.

Я киваю, выдавливая улыбку на деревянном лице. Теперь мне в голову закралась еще одна нехорошая мысль.

– Эй, Тэдди, – зову я и, натягивая эластичный ремешок туфли на пятку, скачу через весь отдел новостей к столу коллеги. – Тэд, эй!

Он недоуменно оборачивается.

– Эллен, – произношу я, обретая равновесие. – Где Эллен?

Почесывая макушку, Тэдди задумчиво смотрит куда-то вдаль.

– В гробу, – недовольно ворчит он.

Уж мне ли не знать, что значит гнев продюсера. На самом деле он это не всерьез. Просто в новостной журналистике считается грубой ошибкой пропустить свой выход – почти такой же грубой, как и проворонить эксклюзив. Так что если с Эллен все в порядке, то ей лучше позаботиться о хорошем оправдании.

Вернувшись в офис, я обнаруживаю, что мой некогда обжигающий кофе почти остыл. Брезгливо отхлебываю глоток мелоподобной жидкости и устремляю взор на экран.

Я понимаю, что нужно сосредоточиться на поиске сюжета. Проверить то общежитие и не прошедшие осмотр грузовики. И успеть пробежаться по тем идеям, которые предложил мой продюсер, Франклин, к тому моменту как придет. Но у меня из головы не выходит пропавший без вести «средний» парень из фармацевтической компании. Какая-то часть мозга среагировала на это название, «Азтратек», как собака из «К-9»³ на месте преступления, и чутье подсказывает мне, что нельзя проходить мимо.

Постукивая пальцами по столу, я начинаю копаться в воспоминаниях. Где я могла слышать об «Азтратек»? И об этом... как его... Брэндоне? Брэдли? Формане? Как мне все это выяснить? И как выяснить, стоит ли тут что-либо выяснять?

Что, если это всем сюжетам сюжет, а я его упущу? Мне нужно...

Привести себя в порядок. Когда я хорошо выгляжу, мне и думается лучше. Снимаю со стены маленькое зеркальце и ставлю его на клавиатуру, прислоняя к монитору.

Коричневые тени для век. Черная тушь для ресниц – больше, чем одобрила бы мама. На то место, где полагается быть щекам, – немного бронзирующих румян, и наконец моя фирменная красная помада. Я уже успела пройти стадию «Кокетка», миновала «Буйство цвета» и теперь предпочитаю «Адское пламя».⁴ Такое ощущение, что даже маркетологи подметили мое

² Бренда Старр – героиня одноименного американского комикса про бесстрашную журналистку нью-йоркской газеты.

³ «К-9» – американский сериал о полицейском псе.

⁴ Обыгрываются названия тонов помады: «виксен» (от *англ.* стерва, чертовка) – розово-сиреневый, «рейдж» (от *англ.* бешенство, пыл) – темно-лиловый, «инферно» (от *англ.* ад) – ярко-красный.

свободное падение в старость и отразили его в косметической линии. Что появляется сначала – морщины или название помады? Если вскоре мне полюбится «Реинкарнация», это уже повод для беспокойства.

Последний взгляд в зеркало. Отлично. Все та же утомленная тетка, только теперь еще с макияжем.

Убираю равнодушное к моим невзгодам зеркало и снова открываю электронный ящик. Нужно вернуться к азам. К тому, в чем заключается сущность исследовательской журналистики. А заключается она не в том, как ты выглядишь, а в том, как умеешь находить ответы на вопросы. В неустанных расследованиях, внимании к деталям, в поисках. Выпрямляюсь в кресле, следуя за продвинутой поисковой системой электронной почты, в то время как мой снабженный кофеином мозг постепенно просветляется. Вспомнила. Его зовут Брэдли Форман. Теперь меня ничто не остановит.

Песочные часики на экране переворачиваются снова и снова. Еще пара секунд, и все раскроется.

Людей, соответствующих запросу, не обнаружено.

У меня опускаются плечи. Человек с именем Брэдли Форман мне никогда не писал. После второй попытки я обнаруживаю, что никогда не получала и имейлов с упоминанием фармацевтической компании «Азтратек».

Но существует же «Гугл». И мне повезет.

Курсор призывно мигает. Набираю «Азтратек».

Согласно счетчику на экране поиск занимает 1,7 секунды.

«Возможно, вы имели в виду: Азтратех».

«Гугл» бесконечно заботлив.

Я имела в виду компанию (не важно, с каким названием), в которой работал Брэдли Форман. Работает, поправляюсь я, – пессимизм тут ни к чему. Кликаю «да».

«Азтратех фармацевтикалс» – тут же выдает поисковик. Картинки, сменяющие друг друга, элегантные логотипы, модные графики. Все это выглядит солидно, но ни о чем мне не говорит. Нажимаю на рубрику «О нас».

Адрес «Азтратех фармацевтикалс»: 336, Прогресс-Драйв, Боксфорд, штат Массачусетс. Улыбаюсь. Как раз то, что нужно.

И... Это что, запах кофе?

– Привет, Шарлотта... Слышал тебя в эфире!

Что за чертовщина тут у вас творится?

Франклин, как всегда безупречный, одетый с иголочки – в розовое трикотажное поло, к верхней пуговице которого прицеплены черепаховые солнечные очки, ставит на мой стол дымящийся латте.

– Обслуживание номера, – шутит он. – Тройная порция кофе с обезжиренным молоком. Я подумал, тебе может понадобиться.

Франклин единственный, не считая моей матери, кто называет меня Шарлоттой. С этой характерной провинциально-южной манерой растягивать слоги у него выходит как-то похоже на «кашалота». До сих пор не могу сдержать улыбку, когда он обращается ко мне.

Франклин Брукс Пэрриш на пятнадцать лет моложе меня, и в длинном перечне продюсеров следственного отдела, с каждым из которых мне приходилось делить кабинет, он на сегодняшний день последний. Стыдно сказать, но Франклин один из всего нескольких цветных, нанятых нашим каналом. Курсы в Луизианском университете, потом поразительный скачок и поступление в Колумбийскую школу журналистики, первая работа на телевидении – на неизвестном маленьком телеканале в Чарлстоне, дальше в Олбани, а следом на Си-эн-эн в отделе расследований – и теперь здесь, в Бостоне. Стандартный путь по карьерной лестнице, необходимый для успеха на телевидении.

Он-то не знает о том, что я просекла, как он составляет портфолио из видеолент. И что я знаю: он уволится, как только сетевые воротилы посулят ему Нью-Йорк. Таковы межличностные отношения на телевидении: не спрашивай, не рассказывай, не привязывайся. И это непостоянство меня очень даже устраивает. Правда, я все равно буду скучать по Франклину, когда он уйдет.

– Привет, Франко, рада тебя видеть! Большое тебе спасибо, что возместил остывший кофе. И как только тебе удастся всегда знать, в чем я нуждаюсь?

– Да не за что, – отвечает Франклин. Мастер делать несколько дел одновременно, он уже открывает электронную почту, проверяет сообщения на мобильном и включает наш рабочий телеканал. Франклин – настоящий компьютерный ас и, плюс ко всему, настолько дисциплинированный, что даже книги классифицирует в соответствии с десятичной системой Дьюи. Попробуйте загадать Франклину тест с наполовину пустым – наполовину полным стаканом, и он вычислит, кому этот стакан принадлежит, что в нем, отравлена ли жидкость, противозаконно ли это и не является ли продуктом политической коррупции. А еще мой продюсер такой же целеустремленный перфекционист, как и я.

Посвящаю Франклина в последние новости о пропаже Эллен, а заодно и о пропаже Брэдли Формана.

– Так что, подводя итог, – заканчиваю я, – все мои поиски прошли даром. Кроме разве что вот чего. Ты когда-нибудь слышал о компании под названием «Азтратех»?

Не успевает Франклин ответить, как мне снова приходится поднять глаза на распахнутую дверь нашего отдела. На этот раз никто не несется ко мне сломя голову, и это хороший знак. Но вот мой стол пересекает тень злого рока. Плохой знак.

Немыслимая завивка, кричащий макияж и планшет в руке, сигнализирующий о том, насколько влиятельна его хозяйка, подсказывают, что, вполне возможно, помощник режиссера Анжела Нэвинс ненавидит не только меня. Вероятно, она ненавидит всех. Но сейчас она находится в дверях *моего* кабинета.

– Чарли, Франклин, доброе утро. Отлично сработано с выпуском, Чарли. Спасибо, что выручила нас.

Очевидно, в одном из своих руководств по управлению персоналом Анжела вычитала, что поручения, которые обещают вызвать протест, полезно начинать с комплиментов. Это смягчит чернорабочих перед решающим ударом.

Не решаюсь взглянуть на Франклина, потому что иначе один из нас точно закатит глаза и не удержится от смешка. Ко всему прочему, у меня все равно никогда не получится выкинуть из головы то, что хотя на бумаге Анжела мой босс, но она моложе меня на пять лет. Или на шесть. Поэтому меня просто убивает то, что она имеет полномочия указывать мне, что делать.

– И еще для нас большая удача, что ты оказалась на месте, – продолжает она, сиюсь изображать подобие улыбки, – поскольку Эллен теперь не в курсе событий...

Улучив момент, Франклин вклинивается в ее монолог:

– Да, Анжела... что там с Эллен, кстати?

Улыбка слетает с губ начальницы.

– Мы разбираемся с этим, – произносит она. – Я уверена, все...

Франклин перебивает ее, сосредоточенно морща лоб:

– Она вообще...

Анжела поворачивается спиной к Франклину, как будто его и вовсе нет с нами, и возвращается к тому, с чего начала.

– Поскольку Эллен не в курсе событий, – продолжает она, – нам потребуется твоя помощь, чтобы взять интервью, о котором мы договорились с женой.

Мне что, полагается знать, о чем она говорит?

– Какой женой? – спрашиваю я уже вслух.

И устаиваюсь одного из тех взглядов, которые означают: «Поверить не могу, что вы, репортеры, такие тупые».

– Жена потерпевшего. – Анжела опускает взгляд на свой планшет и постукивает по нему карандашом. – Брэдли Форман. «Азтратех». Он умер. Автомобильная авария. Судя по всему, выехал на шоссе во время ливня в четверг. Его жена передала редактору, с которым разговаривала. Но нам надо пошевеливаться, пока не объявился какой-нибудь адвокат и не велел ей хранить молчание. Так что, Чарли, ты сейчас единственный репортер на месте. Если мы станем ждать приезда других, то потеряем сюжет.

Это же просто нечестно. Она посылает меня стервятником. Ненавижу стервятников. Я годами выполняла эту грязную уличную работу, уверяя несчастных и безутешных людей в том, что ради каких-то благородных целей они обязаны выступить на камеру. Мне казалось, для меня с этим покончено. Но поскольку я пришла пораньше, то, кроме меня, никого нет. Меня и припрягают.

Правило, которому не учат на факультете журналистики: «Кто рано встает, тому достается больше работы».

Печально смотрю на Франклина. Он уже сверился с адресом Форманов в Лексингтоне и теперь с сочувственной улыбкой протягивает мне инструкции.

– Я наведу справки об этой «Азтра», – говорит он. – Без проблем. Повеселитесь там, ребята.

– Ладно, – отвечаю я и обращаюсь к Анжеле уже отрывисто, по-деловому, прекрасно зная, что, покажи я начальнице свое недовольство, это только заставит ее еще больше упиваться своим могуществом. – Кто мой фотокор? – спрашиваю я. – И где мы с ним встречаемся?

Анжела, склонив голову набок и сощулив глаза, впивается в меня взглядом:

– Прическу, я думаю, сможешь поправить в машине. Хотя это не важно – в кадре ты нам все равно не нужна. Мы просто передадим твое интервью утреннему репортеру. А, и твой оператор Уолт, – добавляет она. – Он тебя уже ждет.

Краем глаза вижу, как Франклин прячет улыбку.

– Передай нам все, что нароешь, – продолжает Анжела. – Это интервью однозначно потребуется к двенадцатичасовому выпуску, – И, махнув ладонью, разворачивается. – Чао, писаки.

Мой мозг сейчас взорвется.

К двенадцатичасовому выпуску? От меня ждут, что я проделаю весь этот путь до Лексингтона в компании пассивно-агрессивного фотографа-фрика с коммуникативными навыками проблемного подростка, сделаю жалостливое, глубокомысленное интервью с безутешной вдовой, после чего вовремя вернусь на станцию, чтобы соорудить из этого материала нечто связанное, адекватное и интересное – к двенадцатичасовому выпуску?

Отлично. Я справлюсь.

Но просто на заметку: в таком случае мне никогда не удастся найти материал для ноябрьского сюжета. Смотрите реалити-шоу «Новости» на нашем канале. Последние события: если в этом году Чарли засыпется, то ее тут же вышвырнут с острова большинством голосов.

Глава 2

– Ну и куда нам, Чарли? Тебе передали инструкции?

Забираюсь в бледно-зеленый «форд-краун-виктория», выданный Уолту телеканалом, и отчаянно пытаюсь найти место для кейса и стаканчика с недопитым латте среди груды гудящих и сверкающих радиопередатчиков, потрескивающих по лицейских раций и сканеров. Саму машину парень называет – видимо, на полном серьезе – уолт мобилем.

Не дав мне даже пристегнуть ремень, Уолт резко трогается с места, и вместе с гравием, взлетевшим в воздух с подъездной дорожки, кидаются врассыпную вооружившиеся фотоаппаратами туристы.

– Поживей! – выкрикивает Уолт, высунувшись из окна. – Ну, так чью жизнь ты сегодня собираешься сделать несчастной, Чарли? – язвит он.

– Очень смешно, – отвечаю я, наконец справившись с ремнем безопасности. – Тем более, если уж на то пошло, она и так несчастна. Слышал сегодняшнюю новость о жертве автомобильной аварии? Его жена согласилась пообщаться с нами. Странно, тебе не кажется? Я бы не стала раздавать интервью телевизионщикам, если бы у меня погиб муж. В общем, она живет в Лексингтоне. – Вынимаю листок, который дал мне Франклин. – В инструкциях написано...

Уолт прибавляет скорости, видимо выражая тем самым свое глубочайшее презрение.

– Я и так знаю, как туда ехать. Лексингтон, говоришь? Нехило.

Погрузившись в свой унылый мир, Уолт принимается тыкать на кнопки в поиске радиостанций и изредка выкрикивает ругательства в адрес не угодивших ему водителей, коих оказывается подавляющее большинство.

Мне нет дела до всего этого. Я недовольно хмурюсь, но не от противного шума. Нет еще и половины десятого утра, а уже два человека сказали мне, что мое время прошло. Что они не могут – или не хотят? – показать меня по телику. Надменное отношение Анжелы я еще как-то могу списать на ее желание вывести меня из себя. Но Тэдди? С этим сложнее. Он милейший из всех наших ребят, трудолюбивый, надежный. Так что в его словах не было ничего личного – только чистый профессионализм. Картинка не в фокусе. Уровень громкости зашкаливает. Чарли – слишком старая. Прислонившись лбом к прохладному стеклу, печально гляжу в окно.

Не то чтобы сорокашестилетие стало для меня сюрпризом. Вот тебе сорок пять, а следом за тем сорок шесть. Ну а потом, довольно скоро, сорок семь. Благодаря счастливому стечению обстоятельств – хорошие гены, качественная косметика и ненавистные, но упорно выполняемые упражнения – я выгляжу моложе своего возраста. Но я не тешу себя, так как знаю: на местном новостном телеканале гламура ничуть не меньше, а то и больше, чем настоящей журналистики, и поэтому я уже начала откладывать деньги на пластическую операцию. Когда-нибудь пригодятся.

Но в то же время я сумела-таки найти свою нишу в расследовательской журналистике, поэтому мне больше не приходится спотыкаться о различные подводные камни, которых не миновать простому «уличному» журналисту. Скажем, если вещаешь о каком-нибудь пожаре, то надо непременно стоять возле этого пожара, даже если по другую сторону от горящего здания освещение лучше. Даже если ветер развеивает волосы и они приклеиваются к накрашенным губам, а брызги воды из пожарных шлангов размазывают по лицу тушь на манер тинейджера-гота. Эту часть новостной журналистики я торжественно завещала двадцатилетним новичкам.

Опустив солнцезащитный щиток, быстро сверяюсь с зеркальцем. Выясняется, что моя новая дорогушая примочка для здоровой сияющей кожи чуда не сотворила и круги у меня под глазами по-прежнему темнее самих глаз. Но в остальном разве все так уж плохо? Щурюсь, пытаюсь разглядеть отражение получше, но ничего не выходит, потому что я в контактных

линзах и вблизи вижу плохо. Если надеть очки для чтения, то станет виднее, но тогда я не смогу понять, как выгляжу на самом деле, – ведь я буду в очках для чтения.

Тут во мне просыпается совесть. Миссис Форман уж точно без разницы, как я выгляжу. Захлопываю щиток. У нее погиб муж. Я должна считаться с ее несчастьем. Я ведь журналист. Я люблю свою работу. И выгляжу нормально.

Уолт останавливается на каком-то шапкозакидательном ток-шоу и врубает звук на полную громкость. Таким образом он подчеркивает свое нежелание заводить разговор и дает мне понять, кто здесь за главного. Уж я-то знаю, кто здесь за главного. Убавляю громкость.

Каким удовольствием было бы вылить остатки латте ему на голову. Но это наверняка относится к нарушению корпоративных норм, и в результате он получит компенсацию, а меня уволят.

На улице гораздо спокойней, чем в машине. Новая Англия⁵ в октябре. Даже по дороге к этому интервью из преисподней я успеваю отвлечься на солнечные лучи, пробивающиеся сквозь багряные листья кленов, с обеих сторон обступающих извилистые улочки ухоженного района. Сегодня учебный день, поэтому вдоль гаражей тянется линия припаркованных велосипедов всех размеров; в надувных детских бассейнах искрится вода, хотя сезон купания уже закончился; иногда подозрительно поднимает голову сторожевой пес, разбуженный мотором нашего «форда».

– Вот и он, номер 2519, – наконец говорю я, указывая на желтый, обшитый досками двухэтажный дом. И в голову лезут мысли о том, что теперь этот дом имеет свою печальную историю. И его жители – я даже не знаю, есть ли у Форманов дети, – навсегда запомнят сегодняшний день. До аварии. После аварии.

Курс, которому не учат на факультете журналистики: параграф 1.1 – «Стучим в дверь дома скорбящей семьи».

Мы взбираемся по гравийной тропинке, Уолт с камерой на плече. Оторвавшись от деревьев, под ноги нам падает несколько пунцовых листьев. Сколько раз мне приходилось переживать это – врываться в чужое горе, чтобы заполнить двадцать секунд эфирного времени, – и со временем проще не становится.

Нам открывает Одри Хепберн. Само собой, не настоящая Одри Хепберн, а всего-навсего ее точная копия – изящная фигура, безупречное телосложение, светящиеся глаза, короткая стрижка и даже миниатюрный черный свитер с обтягивающими черными брюками. Миссис Форман кажется изнеженной и безукоризненно-утонченной. Крохотные бриллиантовые гвоздики в ушах. Изысканная золотая цепочка. Я бросаю взгляд на ее левую руку. На безымянном пальце красуется чье-то высшее университетское образование.

– Чарли Макнэлли, – произносит хозяйка мягким голосом, выдающим утомление. – Меня предупредили о вашем приходе. Я Мэлани Форман. – Она одаривает нас нерешительной улыбкой. – Просто Мэлани. Проходите.

Мы ступаем через порог дома в чистенькую, отделанную со вкусом прихожую в масляно-желтых тонах. Лепная отделка, мягкое освещение, а на блестящем полу из твердой древесины потертый ковер в восточном стиле. Я тайком оглядываю замысловатые узоры. Местами ворс совсем протерся, но ковер настоящий.

Мэлани закрывает за нами дверь и вопрошающе смотрит на нас:

– А вы?..

– Уолт. Петручелли. – Мой напарник приветственно кивает. – Мои соболезнования.

Ну что ж, очко в пользу Уолта. Хоть здесь ведет себя по-человечески.

– Расположимся в гостиной? – спрашивает он, взвешивая на руке свою технику.

⁵ Новая Англия – название района на севере Атлантического побережья США.

Мэлани указывает на проход в следующую комнату, и мы следуем за ней. Уолт быстро настраивает свет и устанавливает штатив. Даже он не может не чувствовать, насколько неудобно наше положение. Я достаю блокнот, роюсь в поисках ручки, при этом пытаюсь незаметно проверить, как лежат волосы.

Хотя Мэлани, похоже, погружена в себя. Она безмолвно сидит, забившись всем своим болезненно худым телом в угол гигантского шоколадно-кремового дивана. Поглаживает бахромку декоративной подушки, бессмысленно глядя на свои руки. Наволочка от подушки напоминает мне «Ральфа Лорена», причем последнюю коллекцию.

Затем мой взгляд скользит по мягкому продавленному дивану, столам из разных комплектов, старенькому креслу, обитому тканью с давно вышедшим из моды узором елочкой, – вся мебель слегка протерта по краям. Надо узнать, не испытывают ли они денежные трудности. Хотя, быть может, муж с женой просто довольны обществом друг друга и большего им не надо.

Вот только «их» больше нет, напоминая я себе, и в это мгновение Мэлани наконец поднимает глаза.

– О, простите, – произносит она с вымученной улыбкой. – О чем вы хотели меня спросить?

Вообще-то я не прочь спросить, почему она согласилась на интервью для питающегося чужим горем чудовища под названием «телевизионные новости». Но не стану.

– Спасибо, что не отказались пообщаться с нами, Мэлани, – начинаю я сочувственно. Сегодня мое сочувствие даже настоящее. Интересно, она уже открывала шкаф с его одеждой? Видела его зубную щетку? Закрыла книгу, которую он читал? Эта женщина пока еще не способна осознать, на сколько безнадежно одинокой она стала сегодня. – Что бы вы хотели поведать людям о вашем муже?

Мэлани возвращает подушку на спинку дивана. Неслышно ступая по ковру, к нам семечит маленькая рыжевато-коричневая собачка наподобие терьера и сворачивается клубком возле ног женщины.

– Мой муж... Брэд... он очень... он был...

На секунду мне кажется, что она не выдержит.

Мое ухо улавливает, как наезжает камера Уолта. Он хочет снять крупный план, потому что думает, что она сейчас заплачет. Добро пожаловать в новости.

– Вы в порядке? – спрашиваю я как можно разборчивее. Я понимаю, как это сложно для нее, но, если она впадет в истерику, мне нужно знать наверняка, что это попало в кадр. Таковы стервятники. – Миссис Форман?

– Да, все хорошо. – Сморгнув, Мэлани вновь кладет подушку себе на колени. Вздыхнув, она опять принимается за рассказ: – Брэд был очень честным, надежным человеком и хотел, чтобы все окружающие играли по тем же правилам. – Она слабо улыбается. – Помните Джимми Стюарта? В фильме «Мистер Смит едет в Вашингтон»?⁶ Киваю:

– Конечно.

Слышу, как отъезжает камера. Уолт решил, что она уже не будет плакать.

– Вот на него-то он и был похож, – продолжает Мэлани. – Такой же принципиальный и преданный. Хотите посмотреть фотографию Брэда? Или нашу совместную?

Мой внутренний репортершишка пускает слюну. У нас уже есть фотография, которую мы показывали в эфире после его пропажи, но если мне удастся заполучить еще, то я только выиграю очки для телеканала. А если это будет их общее фото, то тем более. Таковы стервятники.

– Конечно, – вполне искренне отвечаю я. – Какую хотите.

⁶ «Мистер Смит едет в Вашингтон» – американский фильм о наивном идеалисте, назначенном представителем в сенат (1939).

Она выбирает черно-белое фото в рамке из на стоящего травленого серебра. Снимок, очевидно, сделан в день свадьбы. Оригинальное портретное изображение нарочно размыто. Кажется, будто внезапный порыв ветра застал молодоженов врасплох, и вот Мэлани с трудом удерживает вырывающийся подол легкого платья – не исключено, что от Веры Вонг, – идя под руку с Брэдом, облаченным в элегантный итальянский костюм.

– Это как раз та, которую мы отправляли в газету, – объясняет Мэлани, протягивая мне фото. – Вместе с объявлением о свадьбе.

Вглядываюсь в фотокарточку. Брэд даже выглядит как Джимми Стюарт – такой же долговязый и немного неуклюжий. Он влюбленно смотрит на Мэлани, а ее взгляд устремлен в объектив фотокамеры. Вид этой пары, светящейся счастьем, только добавляет трагичности всему происходящему, если это вообще возможно.

– Подержите фотографию вот так, прямо, мадам, если вам не трудно. – Камера Уолта съезжает вниз и, запечатлев снимок, возвращается обратно к лицу Мэлани. Ее взгляд остановился на фотографии.

– Итак? – Ободряюще смотрю я на нее. Нельзя дать ей отвлечься и уйти в сторону. Еще двадцать минут здесь, и прошляпим дедлайн. – Он работал в «Азстратехе»?

– Да. И ему там очень нравилось. – Мэлани ставит фоторамку на стеклянный край столика, но та с грохотом падает, заставив ее вздрогнуть. – Он работал в главном управлении с тех пор, как мы переехали в восточную часть страны несколько лет назад. Здесь жили мои родители. Вообще-то они нам и оставили этот дом...

Ага. Не их дом.

– ...и тогда основание «Азстратеха» стало для нас настоящей удачей. Поначалу, когда фирма только вставала на ноги, ему даже не всегда платили...

Еще одно «ага». Денежные трудности.

– Непосредственно фармацевтическими исследованиями он не занимался, только расчетами. Бюджетное прогнозирование, что-то в этом роде. Ему всегда нравились числа... Он ведь был в Уортоне лучшим студентом из выпуска,⁷ вы знали?

И как раз в ту минуту, когда Мэлани только-только приходит в себя, просыпается мой пейджер. Ну конечно.

Скосив глаза, нажимаю кнопку на своей «альфе». «Суицид? – гласит сообщение. – Анжела просит проверить».

Отличное предложение. Анжела хочет, чтобы я, заглянув в это пристанище безутешной вдовы и удобно расположившись в ее гостиной, ненароком задала парочку вопросов с целью узнать, а не покончил ли с собой ее только что усопший возлюбленный супруг, нарочно превратив свой автомобиль в ужасающую грудю искореженного металла? Отрубаю пейджер. Я работаю в местных новостях. Именно это от меня сейчас и требуется.

– Прошу прощения, Мэлани, – говорю я. – Извините. Может быть, вам есть что добавить? – Была не была. Бросаю взгляд на блокнотный листок, как будто сверяясь со списком вопросов. – Вы сказали, что вашему мужу нравилась его работа. Но все-таки, возможно, вы замечали, что он чем-то обеспокоен, взволнован? Возможно... гм... денежными проблемами?

Досадую на себя. Прямо-таки ювелирная работа, детка. Сейчас она меня вышвырнет.

Но мне везет.

– Да нет, мне ни о чем таком не известно, – медленно произносит она. – Когда тем утром он уходил из дому, это было только еще одно, самое обычное утро. Все было... как всегда.

⁷ Уортонская школа бизнеса при Пенсильванском университете. В американских школах по окончании обучения выбирается выпускник с наилучшими результатами в классе.

Но от меня не укрывается, как Мэлани сжала кулаки, снова опустив взгляд на фото. Снизу вверх на хозяйку глядит собачка, обнюхивая ее ногу, но та отвечает лишь рассеянным поглаживанием.

– Чарли... Могу я вас кое о чем попросить?

– Конечно.

– Вам обязательно оставлять камеру включенной?

И вот один-единственный вопрос перебрасывает меня за борт, в мутные воды занятий по этике на факультете журналистики. В работе на новостном телеканале главное – записать сюжет на пленку. Если мы выключим камеру, а она скажет что-нибудь важное, то мне крышка. Но если я откажу Мэлани, она так и не скажет мне того, что намеревалась сказать. А мне ох как любопытно узнать, что же это.

– Без проблем. – Решение принято. – Уолт, мы закончили.

Погасив свет, Уолт принимается сворачивать кабель и раскручивать штатив. Ему все равно, что там у нас за разговоры с Мэлани, – важно только то, что через десять минут мы сваливаем отсюда. Ему надо будет только высадить меня у телестанции, и можно снова отправляться тушить пожары.⁸ Ловлю себя на том, что завидую Уолту. У него-то график с девяти до пяти плюс переработки. А вот если я упущу сюжет – ну, тогда костяшки домино посыпятся друг за другом. На меня.

– Почему вы не ответили на имейл моего мужа? – спрашивает Мэлани. Вроде бы она не сердится. Скорее... разбита. – Он отправил его вам за день до того, как исчез.

Тут мой мозг резко тормозит, и мысли разбиваются, сталкиваясь друг с другом.

– Почему я не... ответила... на что? Ваш муж отправлял мне имейл? – Укол совести пронзает меня насквозь, а столбик шкалы «тревога» взлетает до красной отметки. Я что, проворонила письмо? – Не припомню, чтобы мне что-то приходило, – отпираюсь я, стараясь звучать убедительно. Уж мне-то отлично известно, что черная дыра моего безразмерного почтового ящика вполне могла засосать письмо и отправить его в небытие. Или это наша система вновь полетела и сожрала послание. – Вы уверены?..

– Уверена, Чарли, на все сто. Вообще-то я подумала, что вы затем и пришли ко мне сегодня. Чтобы поговорить об этом.

Я в замешательстве. Сбита с толку. Брэдли Форман умер. А его жена считает, что я проигнорировала его письмо.

Пытаюсь нащупать почву под ногами, но это оказывается непросто, потому как вместо логики во мне включается сочувствие. Ведь я могу просто поблагодарить Мэлани Форман за интервью, попрощаться, уйти и больше никогда не видеть ее. Так мне и следует поступить. Телевизионная журналистика – это как служба в спецназе. Зашел на точку, выполнил задание, покинул точку. Проявишь лишний интерес к жизни жертвы – непременно попадешь в переделку. Как я уже упоминала, такая обезличенность меня вполне устраивает.

Но почему-то мне жалко эту новоиспеченную вдову. Она решила посвятить себя дому, заботе о муже, возможно, хотела завести детей. Радовалась тому, что сделала верный выбор. А теперь весь мир для нее рухнул. И она оказалась одна в свои тридцать с небольшим. Знаем, плавали.

У меня-то, по крайней мере, есть работа. А у нее не осталось ничего. Ни друзей, которые могли бы ее утешить (в доме даже не стоит ни одного букета). Ни семьи.

– Вам известно что-нибудь о том, с какой целью он мне писал? – спрашиваю я. – Что он хо тел мне рассказать? Или, может, зная о том, что я следственный репортер, он хотел, чтобы я... провела какое-нибудь расследование?

⁸ В США более семидесяти процентов пожарных составляют добровольцы, для которых тушение пожаров и другие срочные поручения службы спасения являются хобби.

Должно быть, она сейчас в полном раздрае. Возможно, мне удастся как-нибудь сблизиться с ней.

Мэлани закатывает рукава тонкого кашемирового свитера и теребит ремешок часов.

– Я не знаю, Чарли, я правда не знаю. – Мэлани пожимает плечами и, посмотрев на входную дверь, снова переводит взгляд на меня. – Вы могли... удалить его письмо, не прочитав его, – могло так случиться?

Я отчаянно пытаюсь изобрести подобающее оправдание, но Мэлани прерывает растущее напряжение.

– Ладно, – произносит она едва ли не шепотом. – Это не имеет значения.

Вот и вся помощь. Теперь Мэлани думает, что я неуважительно обошлась с ее мужем, даже не потрудившись ответить на его имейл, а значит, по ее мнению, в его смерти есть доля и моей вины. С другой стороны, как неотвеченное письмо может послужить причиной автомобильной аварии? Я мысленно топаю ногой. И вдруг, откуда ни возмись, приходит спасение.

С громким лаем терьер бросается к передней двери. Мы с Мэлани подходим к лестничной площадке и выглядываем в окно: у дома остановилось два белых фургона с логотипами шестого и тринадцатого каналов. Многочисленные фотографии, репортеры вперемешку с камерами и микрофонами высыпают на подъездную дорожку, ведущую к дому Мэлани. Ворота распахиваются, и вот уже гравий хрустит под ногами у ватаги телевизионщиков, приближающихся к крыльцу.

Удивление на лице у Мэлани постепенно сменяется тревогой, и она делает пару шагов в глубь дома. Одной рукой женщина в ужасе прикрывает рот, другой опирается о поручень лестницы, ведущей на второй этаж. В эту минуту она напоминает мне деву-воительницу, запертую в замке, который обступает неприятель.

– Знаете, Мэлани, – говорю я в надежде, что она не угадает мои потаенные мотивы, – вам ведь не обязательно разговаривать с этими людьми. Просто поднимайтесь на второй этаж и не открывайте дверь. Я проверю почту, как только вернусь на станцию, и сразу позвоню вам.

Мэлани вроде бы успокаивается. И вроде бы даже благодарна мне. Она подходит к лестнице.

– Кстати, – окликаю я ее, – какой у него адрес электронной почты? – *Был*, проговариваю про себя, но не произношу вслух.

Раздается звонок в дверь, и Мэлани оборачивается ко мне, стоя на ступени.

– B4@mmp.net, – отвечает она. – Позвоните мне, если его письмо отыщется.

Я в недоумении.

– Before?⁹

– Буква «В», потом цифра «4». Би-фо – Мэлани разворачивается и начинает подниматься по лестнице. – Как его инициалы – Брэдли Форман, – добавляет она, обернувшись через плечо.

И исчезает.

Теперь этот день кажется мне куда более полезным. Хватаю блокнот и записываю в него адрес электронной почты Формана, пока не забыла. На лестничной площадке появляется Уолт с оборудованием, и я быстро посвящаю его в курс дела. После чего раздается батарея стуков и снова голосит дверной звонок. Сейчас я на них оторвусь.

Стараясь спрятать самодовольство, открываю входную дверь. Эта шайка уже проведала, что здесь «Третий канал»: «форд» Уолта, утыканный антеннами, как дикобраз иголками, выдал нас с головой. И теперь они убеждены, что раз Мэлани уже пообщалась с кем-то из журналистов, то остальным она тоже согласится дать интервью. Но я не упущу великолепной возможности обломать их.

⁹ Перед, до (англ.). Звучит так же, как B4.

Курс, которому не учат на факультете журналистики: «Как обогнать всех в погоне за сенсацией».

– Всем привет, – произношу я. Вежливо, с непроницаемым лицом, на котором ни тени самодовольной ухмылки. – Миссис Форман передала мне, что она не настроена давать интервью. И просит вас не беспокоить ее.

– Вы в своем уме?

– Она говорила с вами?

– Что она сказала?

Они превращаются в жужжащий рой озлобленных журналюг, упустивших свою добычу.

– Я только передаю вам ее слова, – перекрикиваю я их. И иду напролом к машине. – Извините, ребята. – Запрыгиваю в уолтмобиль.

Мой оператор наконец достаивает меня улыбкой.

– Круто, – кивает Уолт и протягивает мне только что отснятую видеопленку. – Просто супер.

Парень что есть силы давит на газ, и вот мы уже мчимся к телестанции. Вовремя и с эксклюзивным интервью. И что самое главное, если Мэлани права, то где-то в моем компьютере завалялось чрезвычайно любопытное послание.

Глава 3

В дверях отдела новостей меня встречает Анжела Нэвинс. Она все не выпускает из рук свой планшет для настоящего руководителя и размахивает им, как оружием.

– Чарли, – произносит Анжела. – Пришли последние сводки из полиции: смерть Брэдли Формана была самоубийством.

– Самоубийством? – Я аккуратно ставлю видеокассету на стойку рядом со столом редактора. – О, Анжела, – недовольно откликаюсь я. – Не думаю, что это правда. Понимаешь, я получила твоё сообщение и спросила её, и... – Поднимаю взгляд на начальницу, полная решимости отстоять своё мнение, и тут же понимаю, что мои слова для неё ничего не значат.

Анжела продолжает тараторить:

– И поэтому мы отказываемся от сюжета. Ты же знаешь, мы никогда не освещаем самоубийства. Показывая такое по телевидению, мы можем подтолкнуть зрителей к этому шагу. Так что... мне жаль, Чарли. – Она выдавливает фальшивую улыбку, рассчитывая на то, что я клюну на эту убогую наживку. – Но спасибо, что была в команде. Я не могу это так оставить. Она ошибается.

– Но, Анжела, я встречалась с вдовой, – не отступаю я. – Я специально спросила её о самоубийстве – конечно, не напрямую, чтобы не показаться бесчувственной, – и говорю тебе: этого не может быть... он не мог. – Я медлю. – Они нашли записку или что-то такое? У нас есть отчет полиции?

– Никакого отчета и никакой записки у нас нет. – Анжела опускает взгляд на планшет и делает вид, что обнаруживает в нем важные указания, чтобы только поскорее смыться от меня.

Но у меня еще один вопрос.

– Зачем тогда она позвонила редактору и попросила об интервью, если знала, что он мог покончить с собой? – Да и вообще это какая-то бессмыслица.

– Чарли, ты все не так поняла, – произносит Анжела таким тоном, будто разговаривает с умственно отсталым ребенком. – Редактор сам позвонил ей. Это мы попросили её об интервью. Точнее, после того, как несколько дней назад её муж пропал без вести, а мы передали это сообщение телезрителям, мы попросили её дать интервью, когда его найдут. – Она пожимает плечами. – Видимо, она посчитала, что все равно должна выполнить обещание – даже несмотря на то что его нашли... гм... мертвым.

Только местные новостийщики способны обвинить скорбящую вдову в том, что она согласилась дать интервью для телеканала. И я просто в восторге от того, что никто не потрудился сообщить мне эту пикантную подробность прежде, чем я появлюсь на пороге её дома.

– В общем, – продолжает Анжела, – по мнению полиции, это самоубийство, и нам придется смириться. И точка. Все.

Она уже отходит к двери, но внезапно оборачивается ко мне. И широко улыбается.

– Но давай все же выкроим время, чтобы поболтать о твоих сюжетах на ноябрь, хорошо? Нам не терпится узнать, что ты приготовила. – С этими словами Анжела уходит к себе в кабинет.

Очевидно, я свободна.

Титаническими усилиями мне удастся сохранить внешнее спокойствие. Бережно вынимаю кассету с интервью Мэлани, стараясь не шуметь, и бреду к себе в кабинет.

– Франклин. – Бросаю пленку и блокнот на стол, а сумку на свободное кресло. – Не трать время на проверку одноклассников Брэда. Лучше послушай. Послушай меня.

Вероятно, я устанавливаю новый скоростной рекорд речи, пересказывая напарнику безумные события сегодняшнего утра. Франклин повернулся спиной к экрану компьютера и внимательно слушает, вставляя ободряющие и сочувственные «угу» в подходящих местах.

Моя речь постепенно затухает и сходит на нет. С мыслью о том, что утро можно смело выбрасывать на помойку, обрушиваюсь в кресло.

– Да ты у нас ярко выраженный претендент на «Прозак», – подытоживает Франклин. – Ведь они просто делают свою работу так, как считают нужным, Шарлотта. Ты здесь ни при чем, понимаешь? – Он достает салфетку из пачки, лежащей в ящике стола, и протирает невидимую царапинку с кожаной туфли. – К тому же признай. Ты как будто... – он поднимает на меня взгляд, – жить не можешь без одобрения. Понимаешь? Иногда...

– Я не завишу от одобрения, – перебиваю я Франклина, отклоняя его гипотезу. – Я завишу от успеха. Ты ведь знаешь, как здесь все устроено. Если тебе не говорят «да», то говорят «нет». А «нет» – это плохо. Оно быстро превращается в «нет работы».

И вот уже сегодня, вспоминая я в миллионный раз, меня не пустили в кадр. Дважды. Быть может, я что-то вроде бомбы замедленного действия. Запрограммированная на самоуничтожение. Этаким Чеширский кот¹⁰ двадцать первого века. И вскоре ничего от меня не останется, кроме улыбки – на видеопленке.

Франклин указывает на фотографии с церемоний награждения, которые я развесила на стене.

– Двадцать премий «Эмми». У тебя двадцать «Эмми», – говорит он. – Ты на вершине успеха. Да ты золотая жила для «Третьего канала».

– В прошлом году я не победила, – напоминаю ему. Пробегаю взглядом по фотографиям.

На каждой из них я, расплываясь в улыбке, стою в обнимку с кем-нибудь из предшественников Франклина, и все мы сжимаем в руках золотые статуэтки. Натыкаюсь и на физиономию Милашки Джеймса. Когда-нибудь закину снимок в «Фотошоп» и вырежу этого типа из кадра – так же, как поступила с ним в реальной жизни. – И взгляни правде в глаза, Франклин. Мой срок годности истекает. Раз их целевая аудитория – зрители от восемнадцати до сорока девяти лет, зачем им в эфире ведущий старше этого возраста? Сложи два и два, – произношу я мрачно. – Это просто вопрос времени, и скоро они распрощаются со мной.

– Ну я же говорю. «Прозак», детка. Это утро еще принесет тебе что-то хорошее, просто ты еще не знаешь что, – философствует Франклин. Вечно он твердит одно и то же. – К тому же у меня, похоже, наклеивается один сюжетик.

Франклин на секунду умолкает, проверяя, внимательно ли я слушаю. Обращаюсь в слух. Если у него действительно есть зацепка, то хорошая история кроет мою мрачную.

– «Азтратех», – продолжает он. – Фармацевтическая компания. Небывалый взлет на рынке лекарств. Кстати, я обнаружил целые пачки рассылок деловых ресурсов, предупреждающих фармацевтические компании о недавних покушениях на их финансовые отчеты, – о сотрудниках-доносчиках.

Я разочарованно выдыхаю. Неужто Франклин думает, что *это* новость.

– Каждый сотрудник может донести на компанию, в которой работает, – обрываю я его. – Мы проводили большое расследование на эту тему за пару лет до того, как ты пришел к нам. Они могут настучать на работодателей за укрытие доходов от государства или за финансовые махинации. Если выяснится, что компания не соблюдает условия федерального контракта – завышает цены, мошенничает или что-то в этом роде, – доносчик получает часть денег, возвращенных федералами. И это может быть очень прибыльно. – Я пожимаю плечами. – Но просто уж, Франко. Уже было.

– Ага, только ты слушай, – настаивает Франклин. – Я наткнулся на один из таких разоблачительных судебных исков, который был недавно выдвинут против «Азтратеха». Имя доносчика засекречено, очевидно из-за огромного размера причитающейся ему доли. И, само собой,

¹⁰ Чеширский кот – персонаж книги Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес», обладавший способностью растворяться в воздухе, оставляя после себя лишь улыбку.

опасности, которой этот доносчик подвергается. – Он резко наклоняется вперед. – Ну, так что думаешь...

Если бы мы находились в мультяшном мире, то у меня над головой зажглась бы лампочка.

– Что я думаю... так это то, что тебе надо запасть новым костюмом для вручения «Эмми», дружище. – Встаю с кресла и снова сажусь, сцепляя руки за головой. У меня из волос выскальзывает карандаш и падает на пол. – Слушай, Франклин. Дома у Мэлани случилось кое-что необычное. Она убеждена, что ее муж отправил мне имейл. За день до того, как пропал, так сказала вдова. И она спрашивала меня, почему я ему так и не ответила.

– Отправил тебе имейл? Она упоминала о том, что в нем было? – Франклин потирает подбородок, размышляя вслух. – Как-то очень подозрительно, что он пишет тебе, а потом погибает в автомобильной аварии.

– И не говори. Жуть. Нет, Мэлани сказала, что не знает о содержании письма. Но я готова поспорить на десять миллионов баксов, что он писал мне либо о том, что он и есть этот доносчик, о котором упоминается в найденном тобой иске, либо хотел более подробно рассказать об этом деле. Ну или что-нибудь такое. Мы с Франклином всегда спорим на десять миллионов баксов. Случается, что один из нас опережает где-то на сотню миллионов, но в конечном итоге счет выравнивается.

– И это значит, – продолжаю я, – что где-то в папках Брэдли Формана, у него на компьютере или в личных записях, могут обнаружиться шикарные документы. Возможно... доказательства того, что его компания занимается грабежом. – На секунду умолкнув, уверенно киваю. – У меня идея. Раз Мэлани сказала, что Брэд писал мне, возможно, она даст нам проглядеть его материалы.

Франклин качает головой:

– Даже не думай.

– С чего это? – настаиваю я. – Такое вполне может сойти за главный сюжет. Мне кажется, Брэд ли действительно отправлял мне имейл, и возможно даже, что я его читала. Я не нашла письмо потому, что искала «Азтратек», неправильно набрала. А потом вбивала его имя, но, может быть, он и не подписался. – Выхожу на финишную прямую. – Бьюсь об заклад, что его письмо лежит себе спокойно в моем маленьком компьютере, дожидаясь нас, и я найду его буквально в две секунды. Брэд Форман доносчик, и у нас есть сюжет. – Откидываюсь на спинку кресла, упиваясь триумфом. Да. Обожаю, когда я права.

«Вам пришло сообщение».

Механический голос из компьютерной программы отрывает меня от миссии по нахождению письма Брэда. Открываю сообщение. «Встретимся где обычно, – гласит оно. – Важная С!»

Важная Сплетня. У моей лучшей подруги Мэйси просто дар все драматизировать. На верхнем этаже «Третьего канала», где находится спортивная радиостанция, Мэлани единственная женщина, поэтому ей удалось превратить женскую уборную в неприкосновенную собственность. А также в место для общения и обмена информацией – что-то вроде тайного клуба для взрослых.

– Сейчас вернусь, – говорю я Франклину.

Бегом поднимаюсь по лестнице и открываю дверь с табличкой «Ж». Мэйси сидит растянувшись в складном парусиновом кресле, специально подобранном ею для нашего штаба. Босыми ногами, на которых покоится газета, раскрытая на спортивном разделе, она опирается о туалетный столик под зеркалом. Ее волосы натурального темно-каштанового цвета собраны в конский хвост и убраны под кепку баскетбольной команды «Селтикс», а на лице, как обычно, ни грамма косметики. У радийщиков с этим все просто.

– Привет, Бренда. – Она машет мне рукой, затем сворачивает газету и указывает на гостевое место, коим служит туалетный столик. Ей прекрасно известно, что меня смущает это прозвище, Бренда Старр, потому что, во-первых, я далеко не так гламурна, а во-вторых, совер-

шенно точно не сбегала со страниц комикса. Но Мэлани это кажется забавным. И она хочет как лучше. – Слышала тебя в новостях. Как ты там оказалась?

Я посвящаю подругу в тайну пропажи ведущей и в красках изображаю мнущуюся Анжелу.

– А Тэдди сказал что-то вроде: «Лучше бы она померла», – докладываю я. – Возможно, этим все не кончится. И возможно, кому-то ой как влетит.

Но Мэйси только смеется в ответ.

– На самом деле это был каверзный вопрос, – говорит она, сверкая глазами. – По правде говоря, я уже сама все развела.

– Выкладывай, – требую я. Очевидно, Эллен все-таки жива. А ведь ничто так не помогает взглянуть на свои проблемы с другой стороны, как чьи-нибудь жизненные неурядицы.

– Ну, скажем... – медлит Мэйси. – «Новое лицо „Третьего канала“» вскоре предстанет не перед зрителями, а перед судом. Недавно ей довелось узнать, и самым неприятным способом, что попытка надуть аптекаря, подсунув ему чужой рецепт на оксиконтин, чревата неприятностями с законом. И что копам не важно, во сколько у тебя эфир.

– Она в... – Поверить не могу.

– В тюрьме, – заканчивает Мэйси за меня. – Анжела поехала вытаскивать ее оттуда. Как думаешь, сдать преступницу нашим газетным сплетницам?

Я-то знаю, что она не станет. Мы с Мэйси дружим еще с тех пор, как однажды сцепились из-за фастфуда в буфете на подвальном этаже телеканала. Случилось так, что неожиданно налетевшая на город пурга заперла сотрудников в здании, – и кучка репортеров, возненавидевших синоптиков, опустила до борьбы за любые закуски и сладкое, которые еще оставались в побитых, работающих через раз автоматах. Я застучала Мэйси, когда она дубасила металлический корпус одного из них в попытке вызволить чипсы, и мы вдвоем раскачивали и тыкали его до тех пор, пока он не выдал нам две пачки со вкусом барбекю.

На самом деле ее зовут Маргарет Изабель Де Розьерс Грин, но на радио она просто Мэйси Грин, гений спортивной журналистики. Мэйси может постоять за себя в любой раздевалке и, что необычно для новостийщика, никогда не станет подсиживать коллег по работе. Мэйси – из тех, кому все равно, пуст наполовину стакан или полон, – она разве что с удовольствием выпьет оставшуюся половину, а потом с не меньшим удовольствием нальет еще. А во мне она нашла старшую сестру, которой у нее никогда не было.

– Кстати, – говорит Мэйси, сбрасывая ноги с туалетного столика. – Мы готовимся ко Дню благодарения: предки мужа снисходят с Лонг-Айленда¹¹ – Мэйси выдает свое коронное выражение лица, закатывая глаза. – Вот будет веселье. Ждем тебя как обычно.

У Мэйси, этой-то ультрамодной красотки, дома настоящий семейный очаг в стиле пятидесятых: двое смышленных детишек, верный муж, прелести пригородной жизни в большом коттедже. Все, чего мне когда-то так хотелось. Потом я поняла, что мне хорошо и одной. Наверное. Очевидно, что возможность стать матерью я уже упустила, и на протяжении нескольких лет это расстраивало меня, но сейчас... В общем, что есть, то есть. Я смирилась с тем, что моими единственными детками останутся золотые статуэтки, выстроившиеся в ряд на моей полке в кабинете.

Курс, которому не обучают на факультете журналистики: «Страх перед будущим. Слава или Дети».

– Само собой, я буду, – отвечаю я. – Спасибо, что приютите меня. Опять.

– Будешь одна? – Мэйси изучает меня, вопросительно вскинув брови. – Никаких любовных сдвигов? Еще никого от меня не прячешь? Может, есть какой-нибудь достойный претен-

¹¹ Лонг-Айленд – остров в Атлантическом океане, у Восточного побережья США.

дент, которого мы сможем склонить к ужину с индейкой и окончательно покорить, представив ему тесный кружок любящих тебя друзей?

– Боюсь, что нет, – качаю головой. – Милой интрижки с айтишником в прошлом году мне вполне достаточно, как думаешь?

Мэйси зорко следила за моими давнишними отношениями, закончившимися тем, что оба раза я отменила помолвку, а также за двумя недавними романами – с судьей и со специалистом по подбору персонала: оба слишком нуждались во внимании, отнимали слишком много времени и слишком ревновали меня к моей публичности. Мэйси без устали следит за Милашкой Джеймсом, моим первым – и единственным – мужем, а еще постоянно подбивает погуглить моего последнего бывшего. Надеется, что рано или поздно меня все-таки ожидает хеппи-энд. А для Мэйси он состоит в замужестве, и бесполезно убеждать ее в том, что меня это не интересует. Наверное, не интересует.

– Не важно, – любезно соглашается Мэйси. – Ты же знаешь, как мы тебя любим. – Она поднимается с кресла, поправляя фирменные черные джинсы. – Как поживают твои сюжеты для рейтинга?

Показываю большой палец и активно киваю.

– Как раз получила интересную наводку, – начинаю я. Но из страха сглатить тут же замолкаю. – Объясню, когда мы раскрутим эту историю до конца.

– Ну ты даешь, Брэнда, – отвечает Мэйси. – Еще одной «Эмми» станет больше. Ты просто создана для всей этой репортерской суматохи.

Поворачиваюсь к зеркалу, на которое падает свет от лампы на стене, и вдруг задумываюсь.

– Понимаешь, Мэйс, ведь Брэнда Старр – персонаж вымышленный, потому она и спустя тридцать лет выглядит так же шикарно. А я вот – нет. Возможно, серьезная журналистика теперь не в ходу. – Оборачиваюсь к подруге, хмуря брови. – И скажи, здесь правда жарко? Ты...

– Что случилось с Мисс-мне-сорок-шесть-и-я-не-борюсь-с-этим? – перебивает меня Мэйси. – Сдается мне, тебе просто не хватило кофеина сегодня утром. Или, может... – она щурит глаза, – тебе нужен хороший трах? – заговорщицки шепчет она.

– Я была на свидании, – парирую я. – В последний раз... гм... две недели назад. С этим парнем, который по части недвижимости. Ну ты помнишь. – Свидание закончилось, к счастью, около девяти вечера после его пространного монолога на тему расценок за квадратный метр. Но Мэйси это знать не обязательно.

– У вас... было *это*? Вы хотя бы целовались? – спрашивает она. Но, махнув рукой, даже не дает мне ответить. – Конечно же нет. Наверняка ты заставила его вместе смотреть «Фронтлайн».¹² Я уже беспокоюсь, подруга, что без практики ты растеряешь навыки. – Нашу содержательную беседу прерывает телефон Мэйси, который раздражается рингтоном, коверкающим песню «Возьми меня с собой на бейсбол».¹³ Мэйси, и глазом не моргнув, отключает звук и продолжает: – Кстати, не забудь, что сегодня мы везем детей в Диснейленд, поскольку у меня выдался перерыв между бейсбольным и футбольным турнирами, – уезжаем сразу после моего вечернего шоу. Буду слать открытки, как обычно. А тебе, возможно, удастся «попрактиковаться» в мое отсутствие. – И она непристойно, на восточный манер, потряхивает плечами. – Ты все еще чертовски сексуальна, Мерфи Браун,¹⁴ так что просто позволь себе расслабиться.

¹² «Фронтлайн» – сайт международного сообщества журналистов Frontline Club, освещающий дискуссионные темы, военные и другие актуальные события.

¹³ «Возьми меня с собой на бейсбол» – песня, написанная в 1908 году американцем Джеком Норвортом и ставшая самым популярным гимном бейсболу, который и поныне поется во время матчей.

¹⁴ Мерфи Браун – героиня одноименного американского телесериала (1988–1998) о ведущей новостей спорта.

Я быстро приобнимаю ее, воздержавшись от упоминания о том, что получившая столько премий Мерфи Браун хотя и давала зрителям неплохое представление о жизни в мире журналистики, однако тоже была вымышленной героиней.

– Что я намереваюсь позволить себе, так это закончить сюжет. Ну все, мне надо бежать на охоту за таинственным имейлом, – говорю я. – Хорошей вам поездки... Буду по тебе скучать. Ты же знаешь, только с тобой я могу поговорить по душам.

– О, дорогая, – Мэйси поправляет кепку и поднимает с пола большую сумку, – не драматизируй. Нас не будет всего две недели. Что может случиться за это время?

Глава 4

Франклин и Мэлани стоят плечом к плечу, склонившись над старомодным столом из темного орехового дерева. До меня доносится только шорох бумаги: поглощенные в работу, они вынимают из папок файлы и каталоги и быстро пролистывают их. До сих пор не верится, что Мэлани позволила нам снова приехать к ней в Лексингтон. В письме ее мужа, которое я отыскала у себя в ящике, говорилось о какой-то «документации», которой Брэд хотел «поделиться». Хотя, как пояснила Мэлани, Брэд завещал в случае его смерти обойтись без погребения урны, его бумаги кажутся мне настоящим посланием из могилы и впечатление производят зловещее. Интересно, ощущает ли Мэлани то же самое.

– Вот коробка, которую Брэд принес домой с работы, – объясняет Мэлани. – Мне кажется, – вздыхает она, поднимая на меня взгляд, – это и есть то, что он хотел вам показать.

Я сижу на краешке темно-оранжевого кожаного дивана, собираясь с духом, чтобы начать изучение документов, которые вытащила из общей кипы.

– В сообщении, которое мне отправил ваш муж, ни о чем таком не говорилось, – отвечаю я, качая головой. – Он только упомянул о том, что работает в «Азстратехе» и хочет переговорить со мной. Даже не назвал по имени. Просто попросил ответить на имейл, и все. Мне так жаль, Мэлани, – добавляю я. – Письмо было слишком уж туманным.

Кабинет Брэда Формана, темный и по-мужски строгий, как будто бы притаился и ждет возвращения хозяина. Мы с Франклином – непрошенные гости, незнакомцы, перерывающие личные записи, которые Брэд Форман, судя по всему, предпочитал прятать именно здесь.

Мы действуем во благо, стараюсь я уверить себя. Мэлани подозревает, что Брэд попал на след... чего-то. И теперь мы трое должны продолжить его поиски, и если нам повезет (а нам частенько везет), то в конце расследования мы отроем настоящее журналистское сокровище. Брэд этого и хотел. В конце концов, ведь он сам отправил мне письмо. И для Мэлани это тоже должно быть важно, иначе она не позволила бы нам вернуться к ней в тот же день, когда обнаружили тело ее мужа.

– Так вот... У меня вопрос, – говорю я. Если Мэлани действительно так вынослива, то она не меньше меня стремится получить ответы на вопросы. Тема закрыта. – Все эти документы и папки из офиса вашего мужа, миссис Форман, как они попали сюда? А главное, зачем?

Она поднимает глаза и слабо улыбается:

– Для вас я Мэлани, мы ведь договаривались? – Она держит палец между бумагами на том месте, где остановилась. – Брэд приносил их домой – огромные стопки бумаг. Я спрашивала его, что это за документы, но он все отмахивался. Только говорил: «Да так, ничего, дорогая». Мне надо было... – Голос у Мэлани срывается. – Мне надо было... – снова заговаривает она.

Отчаяние Мэлани передается мне, и я настолько погружаюсь в сострадание к этой женщине, что, когда звонит телефон, чуть ли не падаю с дивана от неожиданности.

Мэлани подносит руку к шее и нервно взмахивает кистью, затем поднимает трубку:

– Алло?

Не хочу становиться свидетелем разговора. Наверняка звонят, чтобы выразить соболезнования. Делаю вид, что проглядываю файлы, но не могу удержаться, чтобы не бросить косой взгляд на Мэлани.

Она выглядит ошеломленной и крепко держит трубку перед лицом, словно старается рассмотреть, кто на том конце провода. Затем снова подносит трубку к уху.

– Алло? Алло? – Опять ненадолго замолкает, слушая невидимого собеседника, и в конце концов аккуратно ставит трубку обратно на базу.

– Кто-то из ваших коллег? – спрашивает Мэлани, скривив рот в улыбке.

Франклин тоже ухмыляется, а я отвечаю:

– Возможно, телефонный агент или ошиблись номером. А репортер бы не повесил трубку.

В комнату семенит маленький терьер и ловко запрыгивает на диванчик. Оценив меня, он взбирается на соседнюю диванную подушку. Тянусь к песику, чтобы погладить его, но, услышав окрик Мэлани, отдергиваю руку. От ее улыбки не остается и следа.

– Банджо! – рявкает она. – А ну, спускайся.

Собачка соскакивает с дивана и бросается прочь.

– Она сама не своя, – поясняет Мэлани, смягчив интонацию, – с тех пор как Брэд...

– Мне известно, какими непослушными могут быть домашние животные, – отвечаю я понимающим тоном. – У меня сейчас кошка в ветеринарной клинике. Видимо, бродит эпидемия кошачьего гриппа, и... – Обрываю себя на полуслове. Я стараюсь выразить сочувствие, но наверняка Мэлани сейчас не до этого, она ведь на грани срыва. Ей не помочь беседами о питомцах. Единственное, что я могу для нее сделать, – это найти ответы на наши вопросы.

Позабыв о Банджо, Мэлани с Франклином возвращаются к документам, однако на меня находит настоящая паника. Мы в кабинете погибшего парня. Таинственный телефонный звонок. Похищенные документы.

А ну, соберись, приказываю я себе. Может быть, ты и на телевидении, но всего лишь в новостях, а никак не в «Сумеречной зоне».¹⁵

– Ну что? – спрашиваю я. – Нашли что-нибудь интересное?

– Сложно сказать. – Франклин выглядит озадаченным. – Здесь какие-то бухгалтерские счета из «Азтрата»¹⁶. Еще толстая папка с какими-то бумагами, похожими на копии газетных таблиц с ценами на акции, все в маркерных пометках. Потом пачка годовых отчетов по форме 10-K, где-то около дюжины корпораций.

– Нет ничего более личного? Конфиденциального? Как ты сказал... про газетные таблицы?

Франклин протягивает мне верхнюю страницу стопки. Выглядит похоже на копию из раздела биржевых новостей «Нью-Йорк таймс», но все слишком нечетко, как будто это даже копия с копии. Повсюду синие и красные пометки, видимо около компаний, особенно заинтересовавших хозяина.

– У меня идея, – говорю я, возвращая листок. – Мэлани, вы не знаете, разбирался ли ваш муж в положении дел на фондовом рынке? Он играл на бирже?

Мэлани хмурится. Я не уверена в том, размышляет ли она над моим вопросом или как-то задела ее. Да уж, ловко, Чарли. Надо же было опять спросить ее в лоб о финансовом состоянии мужа. Остается только надеяться на лучшее, и я продолжаю.

Потому что теперь не уверена в том, что наша первоначальная идея с доносом верна. Возможно, Брэд планировал уйти из «Азтрата» и заняться игрой на фондовой бирже. Потому и забрал домой информацию по исследованию рынка.

– Я к тому, что если предугадать изменения на фондовой бирже, то можно завоевать мир. А если он нашел доказательства своей теории, то, само собой, не хотел, чтобы кто-то узнал об этом.

Имейл. Достаю из кармана распечатанное письмо и просматриваю его в поиске какой-нибудь упущенной детали.

– А это конечно же значит, что я ошибаюсь. – Покачив головой, снова складываю листок с сообщением, пробегая пальцами по сгибам бумаги. – Если бы это было что-то, о чем он не мог никому рассказать, то он бы не обратился к репортеру.

Вскинув бровь, Франклин тянется к новой папке.

– Ну да, – спокойно произносит он. – Это как раз то, о чем я подумал.

¹⁵ «Сумеречная зона» – популярный американский сериал в жанре мистического детектива.

– Можно мне сказать? – негромко обращается к нам Мэлани. – Я уверена в том, что у Брэда не было никаких планов по завоеванию рынка ценных бумаг. Но мне действительно кажется, что его что-то – или кто-то – беспокоил.

– Да? – одновременно восклицаем мы с Франклином. Должно быть, слишком долго поработали бок о бок. – Почему?

– Как же так, Мэлани, – добавляю я, прокрутив в голове наше утреннее интервью, – вы ведь сказали мне, что все было в порядке. Что он не казался расстроенным и встревоженным.

Мэлани падает на деревянный стул и берется руками за голову. Когда она поднимает на нас взгляд, ее глаза наполнены слезами и кажется, будто каждое слово дается ей с трудом.

– Знаю, и мне очень жаль, что я ввела вас в заблуждение, Чарли. Но мне было страшно. Я подумала, что если Брэд знал что-то, чего ему не следовало знать, то кто-нибудь решит, что мне тоже это известно. А мне ничего не известно. Франклин кладет бумаги на стол:

– Почему вы думаете, что он что-то знал?

Мэлани слегка ерзает на стуле. На стуле Брэда.

– Ну, просто он себя как-то странно вел. Приходил домой позже обычного или, наоборот, раньше. Проводил много времени за газетами. Прошу прощения, – добавляет она, качая головой. – Мои слова звучат нелепо. Невротичная жена, напридумывавшая себе... – Ее голос срыгается.

– Нет, нет... – Мы с Франклином снова вторим друг другу, стремясь разубедить ее.

– Для того мы и здесь, – продолжаю я. – Чтобы во всем разобраться.

Комната снова погружается в тишину. Наверняка все мы сейчас думаем о Брэде. Что бы он ни хранил в своих документах, все пошло не так, как он планировал.

Но что же мы упускаем из виду? Поднимаюсь с кресла, чтобы еще раз взглянуть на папки в коробке Брэда.

– Тут все только по «Азстратеху», и еще несколько зеленых папок с названиями компаний на обложках, – говорю я, перелистывая файлы на металлическом держателе. – Похоже на... корпорации. «Вест продакшнс». «Оптикал юнайтед». Потом, что здесь у нас? «Трэвел корпорейшнс». – Оборачиваюсь к Мэлани и вопросительно смотрю на нее. – Ни о чем не говорит?

Она нерешительно отвечает:

– Нет.

– Это все совсем разноплановые компании, – задумчиво произносит Франклин, рассматривая папки через мое плечо. – Агрикультура. Фотография. Путешествия. Только пара фармацевтических. Зачем они ему понадобились?

Мы поочередно просматриваем подшивки. Все они содержат одинаковый набор документов: годовой отчет, материалы рыночного исследования, рекламные разработки. Папка по «Азстратеху» самая пухлая.

Спустя пару минут Франклин отходит от стола и садится в серое полосатое кресло.

– Ладно, все не так уж загадочно, как кажется, – говорит он и опирается ногами о кофейный столик, но, опомнившись, опускает их на пол. – Человек искал работу. И изучал варианты. Это однозначно подборка материалов того, кто разыскивает новые возможности для трудоустройства.

Я задумчиво киваю.

– Но разве ему не нравилось работать в «Азстратехе»?

– Он никогда не говорил, что недоволен работой, – отвечает Мэлани. – Так что мне на самом деле не кажется...

Перекидываюсь взглядом с Франклином и даю знак, как действовать дальше. Он едва заметно кивает – понял. Я приступаю.

– Гм... Мэлани, – начинаю. – А что, если... Мог ваш муж, скажем, исследовать некие ценовые сговоры?

– А у него были еще какие-нибудь документы? Которые он хотел использовать в качестве, скажем, орудия? – подхватывает Франклин, последовательно продвигаясь к цели. – Материалы, которые могли бы послужить доказательствами пособничества? Или чего-то такого?

Мэлани приглаживает волосы, рассеянно вглядываясь в даль.

Черт возьми. Должно быть, мы слишком надавили. Упустили ее. Франклин бросает на меня обеспокоенный взгляд. Подняв ладонь, снова подаю сигнал напарнику. Ждать.

Мэлани вздыхает.

– Думаю, это возможно, – тихо произносит она, все еще глядя мимо нас. – Он никогда не говорил мне ничего о... ничего такого. – Она оборачивается к нам, глаза у нее снова на мокром месте. – Но, как я сказала, это возможно. – Она открывает бордовую лакированную коробочку, лежащую на столе, и вынимает тонкую сигарету. Вопросительно указывает на нее и, не услышав возражений, прикуривает с помощью массивной серебряной зажигалки, после чего выпускает тонкую струйку серого дыма. – У нас и правда были денежные трудности, – наконец произносит Мэлани. – Брэдли безуспешно пытался изменить условия залога. Этот дом принадлежал моей матери. Она отдала его нам, переехав в кондоминиум.

Резкий сигнал телефона снова прерывает наш разговор.

Мэлани закидывает голову, сутуля спину. Она выглядит измотанной и подавленной. Наконец берет трубку.

– Алло? – едва слышно произносит она.

На этот раз, должно быть, собеседник обнаруживает себя. Наблюдаю за тем, как меняется выражение на лице Мэлани: вот она опознала человека, теперь чем-то озадачена, раздражена, обеспокоена. А потом – неужели напугана?

Мэлани, похоже, справляется с нахлынувшей тревогой, однако мне все равно кажется, что ей не по себе.

– Нет, совсем ничего, – наконец подает она голос, бросая взгляд на стопки отчетов и документов и поднимая глаза на нас с Франклином. – Уверена, все разрешится.

Мэлани вешает трубку и затягивается сигаретой. Я жду, что она сама все объяснит, если захочет.

– Звонил кто-то из офиса Брэда, – говорит она. – Спрашивали, не приносил ли чего Брэд домой с работы. – Резкий выдох, и новая порция серого дыма взмывает вверх. – Я ответила, что нет, просто потому, что мне показалось, что так лучше. Разве это их дело, что там Брэд приносил домой?

– Думаю, если эти бумаги – собственность «Азстратеха», – медленно произношу я, – то по закону они принадлежат компании. Если Брэд забрал их без разрешения, вас могут попросить вернуть их обратно.

Мэлани снова открывает лакированный портсигар и зажигает новую сигарету. Слежу за тем, как в ее дрожащих пальцах загорается и мерцает слабый огонек.

– Что, если они решили кого-нибудь сюда подослать? Чтобы забрать бумаги? У меня нет времени на то, чтобы все это разорвать или сжечь, – говорит она, беспомощно глядя на нас. Ее голос делается громче, и она теребит камень на кольце. – Они найдут их, все эти документы. Я не могу рисковать...

– Если на этот момент документы еще будут у вас, – так же медленно замечаю я.

Лицо у Мэлани меняется, подняв подбородок и прищулив глаза, она смотрит на меня.

– Вы предлагаете... хотите, чтобы я отдала их вам? – Женщина медлит, затем качает головой. – Думаю... это не лучшая мысль.

– Но если их здесь не будет... – Я делаю паузу, надеясь на то, что Мэлани сама закончит фразу. Но она молчит, и я продолжаю: – То никто их и не найдет. И никогда о них не узнает. Вы можете защитить Брэда.

Мэлани задумчиво тушит сигарету в пепельнице. Старательно, долго тушит. Наконец как будто бы даже улыбается.

– И вы, конечно, никому не скажете о том, что я отдала вам бумаги? Неразглашение конфиденциальной информации – так это называется?

– Мы никогда не разглашаем наши источники, миссис Форман, – деловым тоном заверяю я. – И не собираемся обнародовать документы. Можете не сомневаться.

– Это просто волшебнo, – говорю я Франклину, пристегивая ремень безопасности. На подъездной дорожке к дому Мэлани появляется машина, и ее фары светят в наши окна. Должно быть, родственник или кто-то близкий приехал, чтобы поддержать ее. Отлично. Ей нельзя оставаться одной. – В нашем распоряжении коробка, полная документов, которые могут пролить свет неизвестно на что.

– Ага, – отзывается Франклин, выезжая с гравийной аллеи. – Просто припрячем их у себя в кабинете, и все.

– А завтра попробуем выяснить, как они связаны с письмом, которое мне прислал Брэд.

– Точно. А что, кстати, было в той подшивке, которая досталась тебе? – спрашивает он.

Эта папка все еще у меня в сумке. Ну Мэлани-то все равно не хватит ее. Вытаскиваю ее и еще раз бегло просматриваю.

– Спам, – отвечаю я, недоумевая все так же, как и после первого просмотра. – Странно. – Снова пролистываю содержимое папки. – Только спам. И все на тему рефинансирования. Правда, в строке темы написано немного иначе – «рефинс». Очень странно.

– Ничего странного, – отвечает Франклин. – Брэд, по словам Мэлани, как раз занимался рефинансированием кредита под залог их дома. Так что вполне понятно, откуда взялись все эти сообщения. – Он сворачивает на Бостон. – Где тебя высадить, у дома?

– О нет, – говорю я, жеманно хлопая ресницами. – Высади меня возле «Эксельсиор».¹⁶ На улице Бойлстон. У меня еще есть время выпить пару бокалов мартини, прежде чем подъедет Эндрю. Ну знаешь, тот невероятно красивый и процветающий адвокат, с которым я встречаюсь. – Сдавленно хихикнув, взбиваю волосы. Франклин и бровью не ведет.

– В твоих мечтах, – продолжает он за меня. – Значит, домой.

Какое-то время мы едем молча, и я успеваю мысленно нарисовать более приближенную к действительности картину сегодняшнего вечера в компании телевизора и размороженной обезжиренной лазаньи с цукини. И, несмотря на недавние уговоры Мэйси и оглушительное молчание Франклина, остаюсь чертовски довольна такой перспективой.

– Хотя, – снова заговаривает Франклин, – возможно, ты будешь не против присоединиться ко мне и Стивену за ужином. У нас дома. Было бы здорово. Он отменный экономист, но почему-то никогда не может рассчитать, сколько еды готовить. Так что ее всегда некуда девать, к тому же он с удовольствием пообщается с тобой. Познакомитесь поближе.

Мое сердце наполняется нежностью к Франклину, этому счастливчику, который сравнительно недавно появился в моей жизни и просто так, совершенно бескорыстно... хочет позаботиться обо мне.

– О нет, я отлично справлюсь сама, – начинаю протестовать я. Но затем задумываюсь: какого черта? Ведь друзья – это прекрасно.

¹⁶ «Эксельсиор» – популярный винный ресторан.

* * *

Когда у Франклина звонит телефон, он как раз накрывает на стол. Зажав мобильный между ухом и плечом и молча слушая собеседника, он продолжает раскладывать вилки с салфетками.

– Мне так жаль, ребята, – говорит Франклин, захлопывая крышку мобильного. – Сегодня утром Шарлотта, теперь вот я. Нужно отъехать в аэропорт и записать синхрон. Прилетает какая-то важная шишка, надо поймать ее, а из режиссеров больше некому. – Он смотрит на часы. – Обещали, что закончу до девяти.

– Кто? – спрашиваю я. – Кто-нибудь интересный? Мне поехать с тобой? – Оборачиваюсь и ищу глазами пальто. – Мне надо поехать с тобой.

Франклин хватается пиджак, чмокает Стивена в щеку и идет к двери.

– Еще чего, ты остаешься, – командует он. – Ну все. Выпейте вина. Оставьте мне... чего-нибудь. Вернусь к десерту.

Дверь захлопывается, и мы со Стивеном остаемся наедине. Подвигаю высокий плетеный табурет к кухонной стойке и облакачиваюсь на столешницу, наблюдая за тем, как партнер Франклина помешивает ложкой содержимое ярко-синего эмалированного котелка.

– И как ты это терпишь? – Мне приходится завязать разговор. – Ты готовишь роскошный ужин, а он сбегает. Наверное, чувствуешь себя...

Стивен с улыбкой перебивает меня:

– Такая у Франклина работа. Он ее любит. А я люблю его. В бухгалтерском деле срочных вызовов не бывает – покроши петрушку, ладно? – разве что в рабочее время. Так что мы справляемся. – Стивен достает с хромированной полки блестящий поварской нож и протягивает его мне. – Он приходит домой, а остальное для меня не важно. К тому же мясо по-бургундски лучше подавать подогретым, так ведь? Так что все довольны.

С минуту я лишь молча отхлебываю из бокала и режу петрушку. Тишина нарушается только бульканьем кипящего блюда в духовке и стуком моего ножа, кромсающего зелень. В голосе Стивена не было ни нотки досады или раздражения. Само собой, он может не сомневаться в том, что Франклин вернется. Кому же не хочется, чтобы к нему так относились – уважали, любили, боготворили? Их особняк с высоченными потолками весь уставлен цветами и семейными портретами в рамочках, на асимметричном кресле из красной кожи свернулась клубком довольная жизнью белая кошка. Их дом такой же современный, как и их отношения, но в этих семейных обязательствах есть что-то старомодно-безмятежное. Вот где уж точно нет места непостоянству.

– Итак. – Стивен нарушает тишину. – Почему ты одинока?

Перестав резать, удивленно поднимаю глаза:

– Я не одинока.

– Ты же знаешь, что я имею в виду, – напирает Стивен. – Ты когда-нибудь... была замужем? Или помолвлена?

Наверное, только Стивену могут сойти с рук эти расспросы в духе Опры Уинфри. Мое прошлое вовсе его не касается, но его сексуальный партнер по совместительству является моим партнером по работе, так что, возможно, он мне приходится... кузеном, не знаю. Делаю еще глоток вина.

– Ой, знаешь, выскочила замуж в двадцать лет, – начинаю я. – Развелась. Что потом? Так и не встретила подходящего парня, наверное. Работа... ну, тебе ли не знать. За сюжетом сюжет. Они пожирают все свободное время. Жизнь проходит. Дедлайны, все такое.

– И ты решила, что все кончено? Слушай, да у тебя еще сколько, полжизни впереди? Может, еще добрых сорок лет, если повезет!

Надо было ехать домой.

– Ты чудо, – говорю я как можно более беззаботно. – Понимаю, почему Франклин вьется вокруг тебя.

Стивен тыкает в меня ложкой:

– Я что хочу сказать. – Он продолжает указывать на меня концом ложки, и капля бургундского соуса, свисающая с нее, угрожает паркету. – Рассчитывать на телевидение – все равно что рассчитывать на ядерную энергетику. Работает отлично, пока не взорвется вместе с тобой. – Стивен возвращается к помешиванию и, присматривая за тушеным мясом, продолжает наставления: – Ты никогда не задумывалась о том, что твоя жизнь напоминает историю из телесериала? Причем ту его часть, которая называется «в предыдущих сериях»?

Мне ничего не остается, кроме как защищаться.

– Ну, я помогаю людям, – изрекаю я. – Я... решаю проблемы. Отыскиваю сенсации, понимаешь? Только самые свежие новости, ну и все такое, – выдавливаю смешок. Эта беседа приобретает какой-то неприличный оборот.

– Да я понимаю, – отвечает он. – Но я спрашиваю: тебе-то что до этих сенсаций? Не той тебе, которая плавится на телестанции, а настоящей? Франклин говорит, что ты никогда не упоминаешь о друзьях. О любви. Вся только в работе.

– Всегда приходится делать выбор, – медленно произношу я, обдумывая ответ. – Телевидение непреклонно. Неподатливо. Хочешь график с девяти до пяти? Иди продавать обувь. Те, кто не понимает, что этого зверя надо кормить постоянно, – что ж, они срежутся. А я не хочу срезаться.

Стивен кивает:

– Поэтому ты пожертвовала...

– Да не жертвовала я, – поправляю я его. – И я ничего не теряла. Я... нашла.

– Что нашла? – напирает Стивен. – Статуетки у себя на книжной полке? Это, конечно, все прекрасно, но они не смогут утешить тебя надолго. И из того, что я слышал, – улыбается он, – они не особенно способствуют укреплению романтических отношений.

Вот это да. Я даже оглядываюсь назад в поиске выхода из комнаты или, по крайней мере, из положения. Решаю и дальше придерживаться тактики уклонения.

– Так как вы познакомились с Франклином? – спрашиваю я.

Стивен покатывается со смеху.

– Отличная попытка, – кивает он. – Если ты не хочешь об этом говорить, давай не будем. Но знай, что Франклин считает тебя необыкновенной. И очень за тебя переживает.

И снова молчание. Стивен добавляет в котелок вторую чашку бургундского, и оттуда вырывается ароматная струйка винного пара. Я изучаю свой бокал, стараясь придумать другую тему для разговора. Но продолжает Стивен, который теперь как будто даже устыдился своих слов.

– Извини, Чарли, – виновато произносит он. – Слишком уж я любопытный. Мне надо работать в одном из этих низкопробных ток-шоу, что крутят по телику. Просто у меня такое ощущение, словно я тебя хорошо знаю, – все из-за Франклина. А поскольку ты такая важная шишка на телевидении, и все одна да одна, то я прямо не могу успокоиться, пока не пойму почему. – Он пожимает плечами. – Не обращай на меня внимания, и все.

Прекрасная мысль.

– Возможно, у меня все будет в следующей жизни, – отвечаю я. Возможно, будет муж. Возможно, и дети. Я даже выберу профессию, в которой мое лицо не будет иметь значения, – торжественно себе обещаю. Протягиваю Стивену доску с горкой нарезанной зелени и наливаю себе еще один бокал «Пино нуар». Пора уже, черт возьми, сменить тему.

Глава 5

«Привет, это Чарли Макнэлли. Сейчас меня нет в офисе или я на другой линии. Оставьте сообщение после сигнала, и я вам перезвоню».

Гудок. Пропущенный звонок сегодня в 9:01.

«Мисс Макнэлли, вас беспокоит медсестра из муниципальной ветлечебницы. Мне известно, что вы собирались забрать Ботокс сегодня вечером, но мы бы хотели еще немного ее понаблюдать. С ней все хорошо, не переживайте, но если она побудет у нас, то мы сможем быстрее согнать температуру. Когда она окончательно поправится, мы доставим ее вам домой, как обычно».

Бедняжка Токси. Я телепатирую кошечке короткое пожелание поскорее поправляться, затем набираю код, чтобы получить следующее голосовое сообщение. И тут же жалею об этом.

«Чарли! – Из динамика раздается противный голос Анжелы. – Рейтинги, рейтинги, рейтинги! Тик-так-тик-так. Уже 9:06. Где ты? Что с сюжетом? Перезвони мне».

Очень вдохновляющее начало рабочего дня. В бешенстве буравлю взглядом трубку. Никто не в состоянии так испортить настроение, как она.

– Сгинь! У тебя нет здесь власти. – Патетически указываю пальцем на телефонную трубку, перевоплощаясь в Глинду.¹⁷ Но, к сожалению, мы не в Канзасе, так что телефон не взрывается, да и мне прекрасно известно, что у злой ведьмы из отдела новостей очень даже есть власть.

Смотрю на телефон с такой злобой, словно это он чудовище. Случись подобное в личной жизни, я бы не стала с этим мириться. Не стала бы терпеть того, кто меня не уважает. Постоянно критикует. Чего-то требует. Не умеет быть благодарным. Говорит мне, что я выгляжу неподобающе для телевидения.

Будь это парень, я бы уже давно с ним разобралась.

Что бы я сделала? Да просто бросила бы его. Прежде чем он бросит меня. И почему бы не поступить так же с работой? Конечно, можно продолжать делить любовное ложе с журналистикой. Но может быть, стоит подыскать более уютное гнездышко, где еще можно устроить себе медовый месяц?

Например, другой телеканал. Погружаясь в раздумья, прищуриваю глаза. Обычно говорят – следуй за мечтой. Так я и поступила – и следовала за ней, пока не уткнулась в стену. Может быть, нужно следовать в каком-то другом направлении, скажем, на другой конец города, на «Восьмой канал». Для них было бы удачным рекламным ходом заполучить меня, со всеми моими наградами и прочими радостями, а я бы с лихвой вернула Анжеле ее фирменное «мне жаль, Чарли». Улыбаюсь впервые за день, рисуя в голове эту картину. Вот что стало бы для меня главной наградой за все труды.

Возвращение в реальность болезненно. Да, десять лет назад это было еще возможно. Ну пять лет назад. Но теперь меня везде ожидает одно и то же. Управленческий учет, после чего вежливый, но однозначный отказ. «Она, конечно, хороша и когда-то была очень даже ничего себе, – скажет один директор другому. – Но это совсем не то, что нам нужно, раз мы нацелены на омоложение штата».

Возможно, Стивен прав. Открываю «Гугл» и медленно набираю в строке поиска имя. Джеймс. Эллиотт. Рэйберн. Одно нажатие мышки – и я узнаю, переехал ли Милашка Джеймс из Новой Англии. Женился ли? Или все еще свободен?

¹⁷ Глинда – добрая ведьма из романа Грегори Магвайра «Ведьма: Жизнь и время Западной колдуньи из страны Оз» – привела к сказке Фрэнка Баума «Удивительный волшебник из страны Оз».

Гипнотизирую строку с именем. Затем неторопливо жму на «Удалить». Снова. И снова. Удаляю по одной буквке, до тех пор пока от имени ничего не остается.

Мое прошлое не имеет ничего общего с будущим. Надо найти сюжет.

Открываю электронный ящик, и меня приветствует мигающий список новоприбывшей канцелярщины и спама. «Звездные витамины», «Быстро получить диплом специалиста», «Бесплатная подтяжка лица», «Секреты успеха на Уолл-стрит». Удаляю рекламные сообщения, даже не открывая, и представляю, как еще недавно то же самое делал Брэд Форман.

До сих пор болит душа за эту молодую пару, сдавшую под залог свой дом в Лексингтоне. Брэд наверняка изучал подобную рекламу, предлагающую рефинансировать кредит, цеплялся за любую возможность, надеясь решить денежные проблемы семьи. Мэлани так и не пришлось узнать о том, как он старался выкрутиться. Чуда не произошло. Конец фильма.

Интересно, а мне тоже приходил этот спам? Судя по всему, раз они рассылают его миллионам пользователей. Вспоминаю, что в теме письма было написано странное «рефинс», и пролистываю список имейлов. Вот и он.

«Приветствуем, – гласит строка темы, – а вот и новый ре-финс у4ет». Прямо как у Брэда. Открываю – и изумленно гляжу на экран. В тексте письма нет ни слова о рефинансировании.

Но под «ре-финс» должно подразумеваться рефинансирование, разве нет? Подперев руками подбородок, устремляю взор в текст.

Вы очень вовремя пришли, хозяин Боусер,
Искали вы Багота – вот и он, злодей.
А ну, держите крепче вора, стража.
Все украшения господские я у него изъял.¹⁸

Хозяин Боусер? Злодей Багот? Язык и стихотворный размер говорят о том, что это строфа из пьесы, возможно Елизаветинской эпохи. Ставлю себе твердую пятерку. А мама еще говорила, что специализироваться на Шекспире в наше время невыгодно.

Но проблемы это не решает: при чем здесь рефинансирование? Кто бы ни открыл такое письмо, он лишь удивится, возможно, разозлится, но в любом случае сразу же его удалит.

Среди обычного спама такого не встретишь. Этот выглядит совсем иначе.

Возвращаюсь на страницу входящих сообщений и просматриваю список в поиске чего-то похожего на спам про Багота. Помнится, там начиналось с «Приветствуем...».

Вот оно. «Приветствуем, а вот и новый рефинс...» Открываю.

Еще одно таинственное послание. И снова ни слова о рефинансировании.

«Однако когда оно попыталось осуществить свое жестокое намерение, то оказалось, что природой было предрешено, чтобы оно само бесследно исчезло в этом неожиданном столкновении».¹⁹

У меня опускаются плечи. Мои изыскания завели меня так далеко от работы, что я с тем же успехом могла бы сейчас играть в тетрис. Хотя все равно есть еще десять минут, прежде чем мне придется предстать перед Анжелой на ее еженедельной планерке, которая неминуемо выбьет остатки мыслей у меня из головы, – так что ничего страшного, если я потрачу эти десять минут на просмотр спама.

Есть идея. Звездный час «Гугла».

Копирую весь отрывок про Багота и Боусера и вставляю в поисковик. Высвечивается результат поиска, но я по-прежнему пребываю в недоумении. «Гугл» гласит, что пассаж из спама – часть диалога из пьесы под названием «Кромвель», созданной в 1790 году и иногда

¹⁸ Перевод оригинальный.

¹⁹ Перевод В. Казаровецкого. М.: ИД Казаров, 2009.

приписываемой Шекспиру. (Требую аплодисментов.) Выходит какая-то чепуха. Уж точно не связанная с рефинансированием.

Про второй имейл «Гугл» сообщает, что это строчка из «Фантастических басен» Амброза Бирса. И снова никакой связи с рефинансированием.

Бессмысленно пялюсь в монитор, следя за тем, как мигающий курсор взывает к новому поиску. Продолжай, говорит он мне. Но как?

Две странные, никак не связанные между собой цитаты. Неизвестные и на первый взгляд бессмысленные. Кто отправляет эти письма? И зачем? Ну ладно, таинственный незнакомец. Есть у меня еще одна идея.

Сперва копирую последующую часть диалога из «Кромвеля», которую нашла в «Гугле», вставляю в окошко ответа спамщику. Нажимаю «Отправить». Затем копирую следующий параграф из книги Амброза Бирса, вставляю в другое окошко ответа – и отсылаю адресату, кем бы он ни был.

Откинувшись на спинку кресла, скрещиваю руки на груди и гляжу в опустевший монитор. Только что я запустила мяч в пучину киберпространства. Вопрос в том, кто его поймает?

К тому времени как мы с Франклином преодолели расстояние до ресторана «Суп и салат», я уже изложила ему основное содержание встречи с Анжелой и, гораздо охотнее, описала таинственную историю со спамом. А теперь мы погрузились в обсуждение того, что же все это может значить. Чиновники в дешевых галстучках, пообедав, стекаются обратно в златоглавое здание парламента, что располагается напротив, и нам удастся отхватить местечко у окна. Я балансирую с подносом в руках, дожидаясь, пока Франклин протрет салфетками стол.

Мой салат оказывается просто несъедобным.

– Я же сказала этому парню, без гренков, – ворчу я, раздраженно качая головой. – И без моркови. Представляешь? Этот салат – прямо-таки углеводное минное поле.

Франклин уже чавкает чизбургером, и кетчуп стекает с края его зернистой булочки.

– Ты что, всегда считаешь калории? – спрашивает он. – В тебе же ни грамма лишнего веса, и...

– Вот уж не собираюсь снова спорить об углеводах, – протестую я. – Камера добавляет десяток килограммов и десяток лет. И тут ничего не поделаешь. – Пронзаю вилкой оливку и для убедительности тычу ею в сторону Франклина. – Вернемся к письмам. Что думаешь по поводу тех цитат? Ведь кто-то же намеренно отправлял эти сообщения, так?

Франклин протирает руки антибактериальной салфеткой.

– Ну... – Он растягивает слова, сминая в комок использованную салфетку, после чего, не прицеливаясь, отправляет ее в мусорный контейнер. – Возможно, все дело в настройках твоего компьютера. Системы с новой технологией сразу же открывают графики и картинки. А у тебя как? Хмурясь, очищаю листья салата от коричневых кусочков.

– Графики? У меня на почте никогда не отображаются ни графики, ни рисунки.

– Да ладно? – Франклин задумчиво сжимает губы. – Значит, это установка твоего ящика – наверняка выбрана функция «Только текст». Потому и отображаются цитаты. Вероятнее всего, какой-нибудь второсортный спамер развлекается, используя всякую галиматью, чтобы заполнить поле, которое все равно вряд ли кто-нибудь увидит, – такой местный прикол. Когда вернемся в офис, я проверю твои настройки – посмотрим, надо ли их менять.

Все становится на свои места. Теперь ясно. Эти цитаты вылезали просто потому, что у меня допотопный компьютер. То есть виновата опять я. Только все равно непонятно, почему выбрали именно эти отрывки и что они значат. Или в самом деле не значат ничего. Может быть, Франклин прав и это всего лишь прикол.

И все-таки я не могу избавиться от ощущения, что тут есть что-то еще. Зачем кому-то тратить время на то, чтобы вставлять в письма непонятные цитаты и диалоги? К тому же я ведь

не одна такая с доисторическими настройками, так что наверняка и другие могли их видеть. Возможно даже – *должны были* увидеть.

Не важно. В «Супе и салате» мы точно не найдем ответов. Надо возвращаться на работу. Как говорится, просто сделай это. И в тот же миг до меня доходит, *что* нужно сделать. На дисплее мобильного мигает значок входящего сообщения, и я набираю код, чтобы его прослушать. Раздается гудок, а вслед за ним и голос. Мэлани.

– Здравствуйте, Мэлани, – говорю я, не в силах справиться с напряжением в голосе. Для верности я решила позвонить ей уже из офиса. Батарейка моего мобильного, судя по всему, меня не переваривает, и мне не захотелось доставлять ей такое удовольствие – прервать разговор на полуслове. – Это Чарли Макнэлли, получила ваше сообщение. Все в порядке?

– Спасибо, Чарли. – Мэлани коротко и шумно выдыхает, наверное после сигаретной затяжки. – У вас есть минутка?

– Разумеется, – отвечаю я. Она хочет что-то мне поведать. Возможно, что-то полезное – например, то, что Брэд держал от всех в секрете. А может, у нее плохие новости – скажем, к ней заявили адвокаты «Азстратеа» с ордером, выданным федералами, и требуют коробку с украденными документами.

– В общем, знаете, я тут разбиралась в вещах Брэдли...

– Так, – облегченно откликаюсь я. Обошлось без ордеров. – И что?

– Мне наконец-то удалось зайти в его электронный ящик, – объясняет Мэлани. – У него там стоял особый пароль, о котором я не знала. Но я попробовала... – запинаясь она, – попробовала набрать «Лунный танец». Так называлась наша свадебная песня. И он сработал. Наверное, я просто хотела посмотреть... Не знаю. Но я нашла копию того письма, которое он вам отправил, – продолжает она. – И оказалось, что такие же письма он послал еще двоим людям.

Мое сердце начинает биться быстрее. Лучше бы он больше никому ничего не слал.

– Еще двоим людям? – переспрашиваю я, стараясь не повышать голос. Что, если он отправил его другим репортерам? – Вы можете... назвать мне их имена?

Секундное молчание.

– Ну, Чарли, я не знаю, – произносит Мэлани. – Если Брэд хотел сохранить это в секрете, может быть, все должно остаться как есть.

В расстройстве шлепаю ладонью по лбу, одновременно пытаюсь передать ей по проводам телепатическое сообщение. Назови. Мне. ИМЕНА.

– Как скажете, Мэлани, – произношу я уже вслух, используя типичную репортерскую уловку – метод от противного. – Я на вас не давя. – Выпускаю шасси и захожу на посадку. – Просто мне показалось, вы хотите знать, что приключилось с вашим мужем, а те двое могут что-то об этом знать. На самом деле они бы действительно могли быть вам полезны. – А еще мне в поиске сенсации к ноябрю, добавляю про себя.

Мэлани не отвечает, и я надеюсь, что она раздумывает над моими неопровержимыми доводами. Наконец в трубке слышится негромкий вздох.

– У вас есть чем записать? – спрашивает она.

Выпрямившись в кресле, одной рукой прижимаю к уху телефонную трубку, а другой принимаюсь под диктовку записывать имена, которые, надеюсь, послужат ключом к нашему успеху.

– Все, записала, – говорю я. – Давайте я повторю, а вы проверите. Первый был Джошуа Гелстон? Потом Мэк Бриггс? Бриггс с двумя «г»? Мэк как в сериале «Мэк»?

– Ну да, – подтверждает Мэлани.

– А вы знаете, кто эти люди? – Вполне возможно, им уже известно то, что хотел сообщить мне Брэд. Так что я просто свяжусь с ними, и все разрешится само собой. – Пс-с. – Накрыв

ладонью микрофон, пытаюсь привлечь внимание Франклина так, чтобы Мэлани не услышала. – Мэ-ла-ни, – беззвучно артикулирую я.

Франклин морщит лоб – не понимает. Чиркаю ее имя на клочке бумаги и поднимаю записку над столом. Теперь Франклин заинтригован. Прервав свой телефонный разговор, он подкатывает на кресле к моему столу.

– Чего она хочет? – шепчет Франклин.

Сердито смотрю на него. И почему люди убеждены в том, что вести два разговора одновременно гораздо легче, если один из собеседников говорит шепотом?

Тем временем выясняется, что я пропустила часть из того, что мне пытается разъяснить Мэлани.

– Прошу прощения, в дверь постучали, – лукавлю я. – Еще раз, что вы сказали?

– Насчет Бриггса – нет, ни разу о нем не слышала, – повторяет она.

Вот тебе и разрешится само собой.

– А вот Джош Гелстон, – продолжает она. – По-моему, это тот, с которым Брэд познакомился на званом обеде. Учитель вроде бы.

– Не могли бы вы продиктовать мне их электронные адреса? – прошу я.

С того конца провода доносится кликанье мышки.

– Извините, Чарли, – наконец произносит Мэлани. – Но я не вижу адресов. Вы и правда думаете, что если этим людям что-то известно, то вам удастся выяснить это? Я была бы вам бесконечно благодарна, если бы вы рассказали мне, что передал им Брэд.

В ее голосе слышится столько мольбы, беспомощности. Конечно, она еще не оправилась от потери. Ищет объяснений. И мне ужасно хочется помочь ей. Чувствую себя Нэнси Дрю, разве что во много раз старше и без синего велосипеда. Мне не терпится начать поиски.

– Дайте мне немного времени, – отвечаю я. – Посмотрим, что я смогу сделать.

Чарли Макнэлли, женщина-детектив, в поиске разгадки тайны. Я гоню по скоростной автострате, поднимаясь в гору – на самую вершину журналистики, и только откидного верха не хватает в моем «джипе».

В базе данных Интернета Мэка Бриггса не оказалось, зато нам сразу повезло с Джошуа Айвзом Гелстоном: дата рождения не указана, заведующий кафедрой английского языка элитной Бэкстерской академии. Знаю это местечко – легендарная альма-матер бесчисленных магнатов, богатеев, аристократов и даже нескольких президентов. На сайте академии сказано, что Гелстон преподает на факультете уже долгое время и является руководителем Общества почета²⁰ и кружка по изучению латыни, а также директором академического драмтеатра. Видно, очень интересный старикашка, но совсем из другого мира, чем Брэд Форман с его вычислениями и фармакологией. Интересно, что у них может быть общего?

Аккуратно вынимаю дымящийся латте из подстаканника и делаю несколько глотков, ведя «джип» и обдумывая план наступления.

Препятствие первое: этот мистер Гелстон понятия не имеет о том, что ему предстоит со мной встретиться. Если на пороге Бэкстерской академии меня встретят охранники или закрытые ворота, это создаст определенные трудности. Я представляю себе, как беззаботно въезжаю на территорию академии, где-нибудь паркуюсь, прогулочной походкой направляюсь к легкоузнаваемому зданию и без проблем отыскиваю кабинет Гелстона. В моем плане нет места охранникам.

Препятствие второе: этот мистер Гелстон понятия не имеет о том, что ему предстоит со мной встретиться. Так что, несмотря на то что сегодня будний день, его вполне может вообще

²⁰ Общество почета – школьная организация, объединяющая выдающихся учеников

не оказаться на месте. Трясу головой, избавляясь от плохих предчувствий. В моем плане нет места разочарованию.

Ставлю латте обратно, не отрывая взгляда от дороги, и снова задаюсь вопросом, правильно ли я сделала, что не договорилась о встрече по телефону. Обсудив это с Франклином, я все же решила положиться на удачу.

Кинув взгляд в зеркало заднего вида, поворачиваю на извилистую, окаймленную кленами подъездную дорожку к Бэкстерской академии. Приходится ехать медленно, потому что сомкнувшиеся над машиной кроны деревьев с багряными листьями полностью заслоняют свет. Вырываюсь из лесного сумрака, и меня ослепляет яркое солнце.

Когда мои глаза привыкают к свету, мне кажется, будто я вдруг оказалась в кадре из документального фильма о жизни богатых аристократов. Невероятно роскошные, ухоженные подростки сидят на искусно покрашенных ограждениях, другие живописно растянулись на стриженной лужайке. Вздрагиваю от неожиданности, когда прямо мимо лобового стекла пролетает какой-то металлический предмет. Это фрисби. Смуглый молодой человек в вязаном свитере с узором из ромбиков, вскинув тонкую, изящную руку, ловит игрушку на обочине дороги.

До сих пор нервничая в ожидании предстоящей встречи, направляю «джип» к площадке с табличкой «Посетители». Переключаю передачу в режим парковки – резкий толчок срывает крышку со стаканчика из-под латте, и последние капли кофе проливаются на пассажирское сиденье.

Роюсь в бардачке в поисках закладки салфеток, но вспоминаю, что использовала последнюю, когда Ботокс вырвало по дороге к ветеринару. И теперь там покоятся только одноразовая камера (чтобы запечатлеть повреждения для страховщиков, если попаду в аварию) и около миллиона вилок и соломинок. На случай если застряну где-то, где нет вилок и соломинок. Протираю сиденье листочком из блокнота и вдруг слышу стук в оконное стекло машины.

Когда я опускаю стекло, в окно заглядывает мальчик с фрисби (вблизи он выглядит еще более фотогенично) и виновато глядит на меня.

– Простите, что едва не задел вас, – располагающе произносит он. – Могу я вам чем-то помочь?

В результате уже спустя несколько минут я сту чу в полированную дубовую дверь кафедры с табличкой «117».

– Войдите, – доносится из кабинета.

Мой внутренний встроенный датчик сигналист о возможности любопытного материала. В предвкушении переступаю порог.

Когда я захожу в кабинет, Гелстон стоит спиной ко мне.

– Чем могу помочь? – молвит он, не оборачиваясь. Стоя за потертым, но красивым столом из старого дерева, преподаватель, по-видимому, ищет что-то на книжном стеллаже высотой во всю стену.

– Добрый день, мистер... э-э... профессор Гелстон? – придаю голосу почтительный тон. – Меня зовут Шарлотта Макнэлли, я с...

Он оборачивается.

Настоящий Грегори Пэк. Не тот, старый, из «Моби Дика» и не противный, скользкий нацист из «Мальчишек из Бразилии», а статный, высокий адвокат в твиде из «Убить пересмешника».²¹ Моего любимого фильма.

Делаю шаг назад. И вовсе он не безнадежно старомодный, дряхлый учитель, коего я ожидала увидеть.

²¹ «Моби Дик» (1956) – фильм режиссера Д. Хьюстона, где Пэк играет старого капитана Ахаба; «Мальчишки из Бразилии» (1978) – фильм Ф. Шаффнера, в котором Пэк исполняет главную роль – врача, работающего над клонированием Гитлера; «Убить пересмешника» (1962) – фильм Р. Маллигана с Пэком в роли юриста, в одиночку воспитывающего двоих детей.

Грегори, то есть Гелстон, вопросительно улыбается – обаятельно, восхитительно. Теперь все его внимание сосредоточено на мне.

– О, а я подумал, что вы студентка.

Он обходит стол и протягивает мне руку.

– Джош Гелстон. Прошу прощения, я просто изучал кое-что, и... В общем-то это не важно. – Его задорный взгляд останавливается на мне. – Итак, Чарли Макнэлли, – продолжает он. – Разумеется, я знаю, кто вы такая. – На его лице отражается озадаченность. – А... у нас с вами назначена встреча?

– Мм... нет... не назначена. – Предпринимаю отважную попытку вернуть самообладание. – Я понимаю, что моя просьба покажется вам странной, но я расследую одно дело, и мне кажется, что вы смогли бы кое-чем мне помочь. У вас найдется минутка?

Он указывает мне на болотное кожаное кресло напротив стола и садится на другое, рядом с моим.

– Конечно, – отвечает Гелстон, – тем более что вы меня заинтриговали. Что могло занести в наш медвежий угол телевизионного журналиста, да еще и без камеры?

Закинув ногу на ногу, он откидывается в кресле и выжидательно смотрит на меня, как будто жаждет услышать от старой приятельницы еще одну любопытную историю. Тем временем я подмечаю проседь в его волосах, кожаные туфли с кисточками, потертые вельветовые брюки, рубашку в цветную клетку, бордовый свитер с круглым вырезом, из которого слегка виднеется галстук. Не удивлюсь, если сейчас к его ногам ляжет ирландский сеттер, на заднем плане зажжется камин, а в магнитофоне приглушенно запоеет Элла Фицджералд.²² Украдкой кохусь на его левую руку. Кольца нет.

О чем я только думаю?

И тут мне вспоминается. Ведь Гелстон, возможно, еще не знает о смерти Брэда. Неужели мне придется сообщить ему, что его друг разбился в автокатастрофе? Хотя Мэлани упомянула о том, что они не были друзьями. Но в то же время они переписывались по почте. А может, и нет, может, Брэд прислал ему только одно письмо. Ну почему, почему, почему я не обдумала все это в машине?

Теперь уже поздно.

– Я недавно говорила с Мэлани Форман, – осторожно начинаю я. – Вы... вам...

– Да, я слышал о том, что произошло с Брэдом. – По лицу Джоша пробегает тень, и я вижу, как за стеклами очков в черепаховой оправе он на секунду прикрывает карие глаза. – Значит, Мэлани рассказала вам, что мы с ним были знакомы. Так печально. Я не много о нем знаю, но, судя по всему, он был отличный парень. – Гелстон как будто хочет что-то добавить, но умолкает.

– Да. Так она и описала ваши с ним отношения. – Решаю постепенно продвигаться дальше. – Но незадолго до смерти он отправил мне имейл. Вам об этом известно, ведь так?

– Да, известно.

На вкус любителей такого типажа – эрудированного преподавателя английского языка (ну, скажем, на мой вкус) – мистер Гелстон, конечно, необыкновенно привлекателен, однако пока что от него мало пользы. Снова моя очередь.

– В общем, все несколько запутанно, но я прочитала это сообщение только после аварии. И теперь меня интересует, так же как и Мэлани, что все-таки он хотел мне передать? Я подумала, у вас могут быть какие-нибудь мысли по этому поводу, раз вам он отправил такое же письмо.

Его очередь. Сейчас он поведаст мне разгадку тайны. Или вышвырнет вон.

²² Элла Фицджералд – американская джазовая исполнительница (1917–1996).

Джош снова подходит к столу, на котором, как я успеваю заметить, нет семейных или женских фотографий. И мужских тоже. Когда он оборачивается, я – к счастью – уже не изучаю его рабочее место на предмет любовных улик, а смотрю прямо на него.

– Мне было интересно, чем все это обернется, – говорит он. По выражению его лица невозможно угадать, о чем он думает.

– И?.. – спрашиваю я.

Он снова садится, берет со стола книгу в кожаном переплете и кладет себе на колени.

– В общем, примерно несколько недель назад Брэд позвонил мне. Я запомнил его после того званого обеда, на который нас обоих пригласили. Но ведь мы тогда и пообщаться-то толком не успели. Поэтому я немного удивился его звонку. Короче говоря, он сказал, что пришлет мне какую-то коробку с документами, а еще попросил проверить несколько предложений.

– Предложений? Проверить? – Сначала я озадачена, но потом понимаю, что, возможно, Франклин был прав. – В смысле, предложений о работе? – спрашиваю я.

– О работе?.. Нет. Не в этом смысле, – улыбается Джош, указывая себе на грудь. – Я же преподаю английский, помните? Предложений в грамматическом смысле. И я ответил, что, разумеется, буду рад помочь. Он зачитал мне строчки из каких-то произведений, и, поскольку я не узнал их с первого раза, мы условились, что он пришлет мне их на почту. Я так и не понял, почему он сам не отыскал их авторов. Так вот. Я нашел источники и отправил ему результаты. И так он обращался ко мне пару раз, возможно, три. Вот и все.

Вынимаю блокнот и откидываю обложку.

– Вы не могли бы сказать мне, что это были за цитаты?

– Думаю, ничего страшного не случится, если я скажу, – медленно произносит он, как бы раздумывая о возможных последствиях, и показывает мне книгу. – На самом деле я как раз перечитывал одну из них. – Он пробегает пальцем по странице, видимо просматривая оглавление в поиске нужной страницы. – Вот последняя из тех цитат, что он мне присылал, – говорит Джош и принимается читать:

И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь – о да, весь шар земной.
И, как от этих бестелесных масок,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.